

become a marketable commodity, as it in fact was in the early modern markets. Central Asia and Transcaucasia are the obvious applications, plus the Balkans, perhaps parts of Middle East and Africa, the Indian subcontinent, and the biggest worry of all: the China-Korea-Japan triangle. Everywhere the Soviet memories and the rising anti-Americanism can make the Russian military policing more attractive. The West will have to decide how to react, for a remilitarized Russia can be an even more effective provoker of potential conflicts.

In fact that would be very Russian indeed looking like Turkey or Mexico in the beginning, but then applying the state coercion to do things differently. It is what is usually described as the Pinochet or South Korea option, but their proponents forget that both Chile and the Far Eastern "dragons" jumped into the positions of semi-peripheral suppliers to the American consumer market. This is impossible for a country like Russia, including for the reason that there is already Taiwan, Korea and Chile.

If Putin ever emerges even moderately successful from his struggles, over the medium run (ten years or so) the likely outcome will be a protectionist, semi-authoritarian, inescapably corrupt but somewhat better off Russia commanding an unstable informal empire. The West certainly would not mind and shall continue to offer Moscow a degree of political and financial accommodation as long as this part of the world unnecessary for the global markets is kept under the lid. In fact, the West seems to have made its mind on Putin and his prospective agenda. The second Russian president will not exactly become the new Peter the Great. Let us at least hope he does not become just something his street jargon suggests.

Footnotes

1. Charles Tilly, *European revolutions, 1492-1992* (Oxford: Basil Blackwell, 1993).
1. The Ottomans, the chief bogey of the West before Russia, were several generations ahead in instituting the *sipahi* cavalry and the musketry of *janissaries* (from the Turkish "yeni cheri" the new infantry).
2. Incidentally, in the result of the same war Russia's closest kin, the Ottoman Turkey, embarked on its own bout of Westernization aggravated by the fact that during the 18th century the sultans failed dismally to emulate Peter the Great.
3. The depression of 1873-96 is a tentative explanatory claim, perhaps induced by the contemporary satirical works. The history of Russian bourgeoisie evidently had no sympathetic writers (least of all from among the intelligencia that zealously valued the ideological prestige and other forms of symbolical capital over the crass power of money).
4. Once again Turkey offers a useful parallel. After the defeat of Ottoman empire, the group of military intelligencia succeeded by repudiating the imperial past almost wholesale and mobilizing the peasantry for the patriotic defense with strong undertones of civil war. The new Turkish state adopted the same Bismarckian model of geopolitical mercantilism combined with the ideology of nationalist republicanism. Turkish officers, however, unlike the predominantly Marxist Russian revolutionaries, were ideologically inspired by the French republicanism and Durkheim rather than Marx.

LOCALIZING FLOWS: POWER, PATHS, INSTITUTIONS AND NETWORKS

D. Kalb

(Utrecht University, Netherlands)

Globalization is a complex and multi-layered concept and social phenomenon. In principle, it does not claim more than a geographic fact: that people and places in the world are becoming more extensively and densely connected to each other as a consequence of increasing transnational flows of capital/goods, information/ideas, and people. But any next effort at specification arouses intense debate. What is the relation between the three genres of items on the move? Is it a new phenomenon or not? What are its causes? What does it imply for the national state that had presumably become the pinnacle of the organization of social life in the postwar period - a "cordon-sanitaire", according to Arjun Appadurai (1996)? What about the civic rights that were enshrined in the constitutions and modes of operation of these states? What does it bring to presumably homogeneous national cultures? How does it relate to

older concerns, such as imperialism, cultural homogenization and Americanization? And, are we all getting better from it? Or do some classes and nations profit more than others? Does it imply more equality between people in various parts of the world, or within national states, or within the advanced world? Does it bring more freedom, more democracy?

Globalization as Grand Narrative of our time

This paper is not intended to give a complete overview of the by now voluminous scientific literature on globalization. That would require too much space. Such an introduction must give serious attention to a highly varied body of work by authors such as Dani Rodrik (1997), Paul Hirst (1996), David Harvey (1989), David Held (1995; 1999); John Gray (1998); Martin Albrow (1990), James Rosenau (1990), Saskia Sassen (1991; 1996); Zygmunt Bauman (1998), Arjun Appadurai (1996), Ulf Hannerz (1996), Roland Robertson (1992), or Ulrich Beck (1997), let alone the earlier important work by Immanuel Wallerstein (1974; 1980), Eric Wolf (1982), William McNeill, or Marshall McLuhan (1967; 1968). It is not necessary to do that here.

Globalization is much more than a mere scientific topic or a systematically observable social phenomenon. Above all, it is an important, even dominant, political and economic discourse in the developed world, an ideology that shapes and permeates much of what is nowadays uttered in the media, in policy texts, and in business publications. For a decade it has informed the actions and fixed the attention of the major Western powers, the OECD, the IMF, the WTO, and the Worldbank. As a seminal tack on the issue, let us therefore first approach the globalization phenomenon as what it perhaps more than anything else is: a public discourse.

A future discourse analyst would probably conclude that the globalization discourse has been the dominant story in a small set of aspiring *fin-de-siecle* Grand Narratives that have arisen almost immediately after postmodernism had claimed the end of all grand narratives, some decade ago (he or she will perhaps also judge that the period of its dominance lasted exactly ten years, from 1989 to 1999). The grand narratives of modernity, such as liberalism, socialism, and nationalism had been closely associated with the formation of national states during the nineteenth and twentieth century and had found their great dynamic compromise in the welfare states of the postwar period, as well as their armed deadlock in the bipolar division of the world. Their dissolution, logically, was closely connected to the decline of these same national welfare states in the 1980s and to the implosion of the Soviet bloc. I claim that it is precisely the globalization narrative that has become their most influential and powerful successor in a period in which, as Mike Hanagan describes it, "states have collectively lost out against capital", and consequently lost out against the transnational flows of money, goods, information and people that have strongly accelerated in its wake.

Indeed, the growing power of transnational enterprises, expanding world trade, exponentially increasing flows of capital through the quickly and globally diffused mechanism of stock-markets and exchanges, the compression of space through new technologies, the concomitant deregulation of states and the increased commodification of social life, accelerating migrations, the end of the bipolar world, all of this, including the cultural flux that it has brought, has contributed to the widespread feeling that we are living in a new epoch in which the national state has been superseded as the pinnacle of social life by a more globally organized configuration of powers. Globalization, apart from being the empirical phenomenon of rapidly shrinking relative space, can be seen as a set of propositions, a meaningful framework of concepts and symbols, to interpret and give order to this new form of social organization. It claims that we are now living in one borderless world where the national and global divisions that once existed are progressively disappearing in favor of free exchange and cooperation to the common good of all humanity. It explains, like other grand narratives before, where this new form has come from, what its basic properties are, why it is good, and where it should lead us.

Some authors, like Ulrich Beck (1997), make a strict distinction between globalism and globalization. The first concept then refers to the ideology of free-market neo-liberalism which preaches the absolute truth and desirability of unregulated global capitalism, and the second to the real phenomenon of shrinking relative space and actual world-village formation. This distinction has the virtue of separating an imputed nasty norm from a supposed fine fact. But it is also a simplification.

The ideology of globalism, let us say the globalism of numbers, strongly associated as it is with the business world, cannot capture the hegemonic intricacies of various closely interwoven historical and socio-political visions and bits of visions that make up the current Grand Narrative of globalization. It is

necessary to admit here, that our imaginary future discourse analyst will not only or primarily deal with the utterances and actions of industrial managers and stock-market dealers, although they will be taken into account. Nor does he or she mainly refer to great authors and leading intellectuals, though they must be considered too. The basic material for this discourse analysis, rather, just like the sources for Peter Burke's history of early modern popular culture (1983), comes from the circles of secondary authors, journalists, commentators, public relation officials, party spokesmen, from those who, by their profession, are supposed to daily patch together comprehensive moral/factual visions from an immense wealth of disparate, contradictory and highly specialist bits of available information and then turn them into headlines and sound-bites. On this level of everyday ideology production, it is not simply a free-market globalism that has emerged such as discussed by Beck, but a real Grand Narrative of globalization. A Grand Narrative that connects history with current politics, facts with virtues, and class with justice and truth. In this text the terms globalism and globalization as Grand Narrative will therefore be used interchangeably, the former being only the ad-hoc policy department of the latter.

Presently, this Globalization Narrative (which will be given more attention in a moment) is certainly the dominant narrative in the developed world, as well as in significant parts of the developing world. But it is not completely unchallenged. In reaction to it, and, as perceptive authors such as Anthony Smith (1995), Clifford Geertz (1998), Zygmunt Bauman (1998), and Peter Kloos, argue, in close association with it, there have emerged new counter ideologies of territorialism.

These territorialisms are a varied brand, and not all of them should be seen as rivals of globalization. They can build on earlier nationalisms, regionalisms, and localisms, and are often inspired by religion, language, and ethnicity. They can be hot: black, brown, or red, populist and sometimes extremist. But they can also be predominantly cool: technocratic and interest-based, such as Catalonese, Scottish, *Lega Nord*, and Flemish movements for more independence. These cooler movements for self-determination do generally not wish to unlock from global developments, indeed they use incorporation in more global networks as a resource against a dominant national-state that is reputed to be ruled by different territorial and cultural interests. Some of these movements, however, are more virulent and violent, such as in the Sri Lankan case. But my point here is that this category of territorialisms does not tend to evolve into explicit rivalry with the politics of globalization. On the contrary, as Anthony Smith emphasizes, they call upon the globalized idea of national self-determination as proclaimed by the United Nations to legitimize their claims, itself a more or less subdued strand within globalization rhetoric.

In contrast, some of the hotter territorialisms derive their popular support from constituencies which feel alienated from the majority coalitions behind globalizing politics, or from technocratic or autocratic political leaderships which push such politics through. These territorialisms can develop into explicit anti-globalist grand narratives. They can command considerable support in countries where the politics of globalization have failed to bring the promised goods or have got stuck in corruption and autocratic regimes, enriching the few at the cost of the many, such as in Mexico, Russia, and Indonesia. In the advanced world, however, they mainly seem to attract protest votes and rarely attain prestige among the intellectual elite, though outcomes in countries such as France, Belgium, Denmark, Austria, and parts of Australia and the United States are still very much open. What is crucial to my discussion here, is that globalization discourse seems fully dominant while at the same time breeding opposite ideologies that emphasize the virtue and necessity of territorialism, which, as history shows, may crystallize into fully fledged alternatives for one-worldism (see Chirot 1993; Jowitt 1992).

The reason to bring in interdisciplinary social science is to reintroduce social complexity, contingency, and contradiction into the enveloping debate on globalization. This, indeed, is in stark contrast to the equilibrium assumptions and finalistic schemes that have so often been deployed in relation to current processes of globalization. One does not need a whole library to make that clear. It should be enough to point to the world-turbulence that has emerged in the wake of the Asian and Russian crises. The assumptions of the all-out-globalizers do simply not provide for these situations, not for their possibility nor for any way out. President Clinton's pleas to the Russian government-in-decline to hold on to "reforms" and "freedom" are devoid of any meaning. The world clearly needs another language to talk about, and act within, the problems and dramas that erupt at the apparent end of this decade of globalism (1989-1999). What an irony that ten years after the 'end of history' we should start to learn the lessons of history anew.

The concern with institutions, networks, re-territorialization and localization amounts to a plea for embracing social complexity, contingency, and contradiction. This will prevent us from telling straightforward stories and presenting self-conscious predictions. While asking attention for the contingent conjunction of the economic, political, and cultural dimensions of globalization, we cannot but refrain from any strong claim to the prediction of outcomes. Though there may be some valid building blocks for a general social theory of the causes and consequences of globalization at the end of this century, there cannot be any prediction about its precise empirical outcomes. This is so because such consequences, precisely and paradoxically in the globalizing epoch, are to a substantial extent determined by location, that is, by a territory's relation to other locations, by its prior locational histories, by its social properties as well as by the hopes, needs, and actions of people, by its public policies and actual or potential political mobilizations.

Empirical globalization-outcomes will therefore depend on social power relationships, local development paths, territorially engraved social institutions and the nature of and possible action within social networks, and cannot simply be derived from any general framework, let alone the reductionistic and finalistic version that has become the world's dominant grand narrative in the past ten years. This is a more specific task that should be left to detailed, territorially delimited, case studies and monographs (in the hope that academia will still allow the production of these in the future, which is far from certain).

Essentially, by bringing networks of people, institutional histories, politics, and cultural process back into the perspective on transnational flows, we become capable of moving beyond three idols that have characterized the dominant discourse on globalization: first of all, beyond what Karl Polanyi (1944) once called "the economistic fallacy"; second, beyond the bipolarity of local territorialism and universal globalism; and third, beyond cutting the present loose from the past. The political upshot of this endeavor is that we are making a case for the dramatically increased need for institution building at all levels as well as for the continued centrality of the national state precisely in this globalizing age.

Globalization is not only about financial flows that either wash away social settlements, or liberate individual energies, depending on how you look at it. Nor is it just about accelerating cultural flux that makes existing forms of life, for the better or the worse, obsolete. We emphasize that it is just as much about the determinate social forms and territorial institutions in which the flow and the flux become at first socially produced, and then re-appropriated, re-territorialized, localized, embodied, and re-institutionalized. We recommend greater attention literally to the 'ends of globalization': first, to the actual human purposes it should serve; secondly, to the social and territorial institutions which make the flows happen in the one place and then serve to localize them in the next; and thirdly, to the possibility that the neoliberal regime of globalization that has reigned so far, may have reached a turning point after which new institutional set-ups on various levels become necessary to secure its advantages and to redistribute its surpluses. In short: We want to bring society back in again.

From Monetarism to Globalization: virtuous circle with a bias

The unprecedented speed with which the idea of globalization has nested itself so powerfully in our contemporary intellectual and political landscape rested precisely on a cognitive maneuver opposite in substance and style to the one advocated here. It was the neglect, denial, or even conscious repression, of institutional complexity, social relationships, contingency, and possible contradictions, that made the concept into the ideological magnet which it was soon to become. The future discourse-analyst of the globalization grand narrative would probably judge that its public success had been based on two interrelated acts of reduction and simplification, one on the field of social theory, the other in its interpretation of recent history.

The historical simplification wrapped into the globalization concept consisted of bringing together in one symbol, if only by association, the three recent epoch-making events that had determined the nature of the last quarter of the century: the neoliberal revolt against the welfare state initiated by Pinochet, Thatcher, and Reagan as a response to the economic crises of the 1970s; the revolution in information and telecommunications technology gathering pace in the 1980s; and the implosion of the communist bloc after 1989. Though there can be no doubt that these events were somehow related (see for example Castells 1996, 1997, 1998; Berend 1996), the globalization concept was expressly not intended to encourage inquiry into the *specifics* of their sequential connection. Instead, the idea served to naturalize the underlying, contingent and deeply political processes into an innocent geographic equation (shrinking space); it comfortably collapsed cause and consequence; it ironed out any possible tensions

between its constituent elements; and it served to deny in retrospect that there could have been multiple ways out of the structural crises of these years. The concept came to express and to celebrate the interests of the victorious geopolitical and capitalist agencies in the emerging global arena after 1989.

Indeed, after the fall of communism, the idea of increasing interconnections between different parts of the now undivided world could easily be incorporated into the neo-liberal myths elaborated during the preceding period: creating one borderless world of victorious market-driven democratic capitalism in which the role of the state would be fully reduced to serving the needs of the abstract self-governing market which acted on behalf of human freedom, world-economic growth, individual independence and opportunity.

The globalization concept was literally neo-liberalism writ large. Since, with the victories of Reagan and Thatcher, neo-liberalism had become the dominant ideology in the Anglo-Saxon countries it had the opportunity to shape an interpretation of the fall of the Berlin wall in its own image. Harking back on monetarism and the micro economic innovations of Hayek and Friedman, it believed that collectivities and organisational hierarchies could not but distort, and even kill, markets, simply because they killed the profit maximizing individual reasoning on which such markets, in this framework, were held to be based (see for an overview Skidelski 1995). The state was not only the protector of such collectivities, it was itself the prime example. After the onslaught on the welfare-state and its social democratic supporters in the west, the breakdown of communism was now interpreted as the ultimate verification that states had to be rolled back from economy and society, but now on a global scale. Monetarism turned out not to be just a medicine for stagflation in the West, it could now start to see itself as a universal historical truth for which the whole trajectory of the twentieth century provided proof.

Monetarism itself, however, had not really a social vision of its own to accomplish this task. In fact it had only an anti-social vision on systematic individualism, markets, and inflation. In order for it to become a Grand Narrative it had to develop one. To that end it was now more firmly linked to a particular reading of the classic liberal social philosophy of Adam Smith, which expected universal human progress through free trade. This reading basically consisted of the axioms that: 1) if commodities (capital, goods, information/ideas, people) were freely exchanged between places, 2) people everywhere would learn to prefer self-interest over collective passion and politics, and 3) would consequently form into ideal-type modern independent middle classes/citizens, 4) who would demand civil rights and vote against costly policies and inefficiency, which 5) would further foster trade, prosperity, freedom, and growth. The well-known virtuous circle of liberalism. From being a technical vocabulary to turn inflation down, monetarism was now transformed into a genuine and totalizing social mythology in which questions of economy, history, politics, and morality were fully united. It became a powerful hegemonic instrument, an ideological watchdog that could bite in many directions at once.

This was encouraged by a clear bias in the contemporary interpretation of the classical liberal view. The bias concerned public policy and the state. Adam Smith was an optimist and assumed that redistributive policies would simply be unnecessary in a fully free world because of the high growth rates freedom would bring. But other enlightenment thinkers, such as Montesquieu or Rousseau, were less certain and saw social policy and redistribution as a necessary part of the new social contract without which a bourgeois order would fail to acquire popular legitimacy and could not survive. In contrast, neo-liberalism, loyal to its roots in monetarism, saw redistributive public policy as universally inefficient, ineffective, and unwholesome. It was held to distort markets and turn healthy civic self-interest and self-help into dependency-syndroms among its recipients. States, it said, did simply not deliver. They were costly mechanisms, addicted to public debt and high taxes, serving unjust insider-privileges and encouraging rent-seeking behavior by parasitic classes. The result was inflation and 1970s-type stagflation, and finally the "crowding out" of any independent civic consciousness among citizens. Globalism perceived the crisis of the Western welfare state and the fall of Communism as caused essentially by the same perverse outcomes of state intervention. The future of mankind was seen to be dependent on a natural alliance of markets and citizens against the state everywhere in the world.

The rapid practical reception of the globalization concept in the early 1990s, finally, was probably supported by an unambiguous experiential fact. Every citizen could see that those transnational and (geo)political organizations that now boasted the virtues of globalization had successfully been involved in annihilating space and time by new information and telecommunications technology faster than in any prior era of industrial invention. Their globalization message could rapidly acquire a popular matter-of-

factness that made it an ideal item for ideological fast-food consumption. Later discourse analysts should be aware that there had been a very material base to its success.

From footloose flows to embedded institutions and social networks

If this basic analytical and empirical work is to succeed, it must reject the three idols that we have noted have characterized the Grand Narrative of globalization. First, it must learn to think with history, rather than giving in to the understandable *Sturm und Drang*-reflex to shock-therapy it into oblivion, as argued above.

Second, it should learn to see that local histories and territorial pathways of social development are not simply products of autonomous and parochial cultural development in isolation. Instead, all local outcomes nowadays (as they, on closer scrutiny, have always been, see the still pathbreaking work by Eric Wolf 1982 as well as the oeuvre of William McNeill) are the creation of complex and patterned interactions between local social networks and institutions on the one hand, and the wider environment of world-system shaped, asymmetric, economic, political, and cultural relationships on the other. "There is nothing mere to the local", emphasizes Arjun Appadurai (1996). And this point can not be stressed enough. Contemporary local developments everywhere, as cultural analysts have consistently stressed, can best be understood as forms of 'glocalization' (Roland Robertson): local appropriations of global items and opportunities that either affiliate with dominant global trends or take some distance from them, mostly a combination of the two, the outcome being dependent on local social histories, the insertion in wider networks of exchange, and social relationships of power, advantage, and backwardness on various levels. This is not principally different for political economies as it is for cultural processes.

This is not only a criticism of the portable recipes of neoclassical globalizers. It is as much an argument against conservative accounts based on cultural essentialism and territorial isolationism. Russia is not in shambles because Russians are unable to become individualist profit-maximizers or decent citizens, nor does post-communist Poland not look like Germany or Denmark because the Poles have the wrong dispositions. Russian and Polish developments should be understood as part and parcel of global processes that foster certain trends and inhibit others. It is this particular, and always particularistic, interaction that shapes possibilities and likely outcomes. Jumbo notions like the West versus the East, Oriental values versus Individualist Consumerism, Confucian versus Christian versus Islam: the culturalists' and territorialists' retreat into "a manichean struggle between Abstract Principles", as Clifford Geertz (1998) has called it, cannot but lead to fatefully mistaken conclusions. Particularism and universalism, localism and globalism, are apparently no opposites, but just different standpoints from which to look at the real networked spatial hybrides and institutionalized syncretisms of which the real world consists. The either-or position on globalism and territorialism/culturalism is analytically obsolete and politically insane.

And thirdly, approaches to the outcomes of globalization should abandon the pervasive economism that has marked contemporary discourses, including the assumption that processes in the real world can be predicted as if the human community only existed as a random collection of individual profit maximizers. Dominant globalization discourse is neo-liberalism writ large, and as such it continuously reproduces the original problems to which it had been a response. It came into being in the 1970s to liberate markets from increasingly untenable societal regulations. It was there to disentangle markets from the specific grip that advanced societies had developed in the afterwar period; it was there to disembed them. But its birth-moment has been absolutized. The struggle against stagflation and inflation was won in the 1980s, but instead of acknowledging the limits of its program it went on, via the international organizations and supported by the increasingly powerful, now de-regulated, financial communities, to subject the Post-Wall world after 1989 to what Karl Polanyi (1944) has called the "stark utopia" of self-regulating markets. In so doing, globalism overlooked that world history had not just started in the stagflation years of 1970-1980, but in fact somewhat earlier. It completely neglected what Polanyi had presented as "the lessons of history".

In his now increasingly important work, *The Great Transformation*, Polanyi showed how the attempts to implement the "stark utopia" of self-regulating markets after the First World War had produced system collapse, broad popular suffering, and finally the emergence of Stalinism, fascism, and, on the bright sight of life, the New Deal and social democracy. Economies, his lessons of history taught, should not become disembedded from regulation by societies. They should be, and have practically always been, mediated by a combination of social policy *in situ* and institutional regulation on the international level.

By pointing at the hard limits of commodification, Polanyi is really the bad and repressed conscience of the globalists.

By seeing global economism as what it is, a stark utopia which should better not be pushed through by global technocrats, room is also given to three interconnected and vitally important points. The first of these is what Karl Polanyi has called "the double movement". Polanyi emphasized that states which implemented the utopia of strong deregulation of markets had in history always encountered the growing opposition of popular movements demanding their re-regulation. Globalists, instead of just fearing the interruption by popular opposition, could better start to integrate the likelihood of protest into their predictive models. That would, secondly, give them more respect for the necessity and the legitimacy of public policy. Thirdly, this would allow them to start to better appreciate substantive citizenship, instead of the abbreviated neo-liberal idea of citizenship inscribed into the current grand narrative. Indeed, globalism tends to condemn contemporary citizens to the nineteenth century form of mere legal civic rights (voting rights and membership in the nation), including the attendant bourgeois moralism concerning the undeserving poor, paternalism and patriarchy, as well as the prevalence of philanthropy plus minimal poverty alleviation over serious social policy.

Altogether, these three points could help global policy makers to have a deeper respect for the political space needed for public policy by national states and their political classes. This would help to prevent popular disaffection to be channeled into cultural and territorial extremism by allowing respectable political networks to remain open for social problems and civic aspirations and remain or become accountable to citizens. The loosening of the control over populations by the stark utopia of unregulated global markets is a *sine qua non*.

References

- Albrow, Martin and E. King (eds.) (1990). *Globalisation, Knowledge and Society*. London: Sage
- Appadurai, Arjun (1996). *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press
- Arrighi, Giovanni (1994). *The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Times*. London: Verso
- Bauman, Zygmunt (1998). *Globalization: The Human Consequences*. Cambridge: Polity Press.
- Beck, Ulrich (1997). *Was ist Globalisierung?* Frankfurt: Suhrkamp
- Berend, Ivan (1996). *Central and Eastern Europe, 1944-1993. Detour from periphery to periphery*. Cambridge: Cambridge University Press
- Burke, Peter (1983). *Popular Culture in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press
- Castells, Manuel (1996). *The Rise of the Network Society*. Oxford: Basil Blackwell
- Castells, Manuel (1997). *The Power of Identity*. Oxford: Basil Blackwell
- Castells, Manuel (1998). *End of Millennium*. Oxford: Basil Blackwell
- Chiot, Daniel (1993). *Modern Tyrants: The Power and Prevalence of Evil in Our Age*. New York: The Free Press
- Fukuyama, F. (1992). *The End of History and the Last Man*. London: Hamish Hamilton
- Geertz, Clifford (1998). *The World in Pieces. Culture and Politics at the End of the Century*. *Focaal. Tijdschrift voor antropologie*, no. 32: 91-117
- Gray, John (1998). *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*. London: Granta Books
- Hannerz, Ulf (1996). *Transnational Connections: Culture, People, Places*. London and New York: Routledge
- Harvey, David (1989). *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell
- Held, David (1995). *Democracy and the Global Order. From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Cambridge: Polity Press
- Held, David et. al. (1999). *Global Transformations: Politics, Economics, and Culture*. Cambridge: Polity Press
- Hirst, Paul, and Grahame Thompson (1996). *Globalisation in Question*. Cambridge: Polity Press
- Jowitt, Ken (1992). *New World Disorder. The Leninist Extinction*. Berkeley: University of California Press
- McNeill, William (1991). *The Rise of the West*. Chicago: University of Chicago Press
- Polanyi, Karl (1944). *The Great Transformation*. Boston: Beacon Press

- Robertson, Roland (1992). *Globalization*. London: Sage
- Rodrik, Dani (1997). *Has Globalization Gone Too Far?* Washington D.C.: Institute for International Economics
- Rosenau, James (1990). *Turbulence in World Politics*. Princeton: Princeton University Press
- Sassen, Saskia (1991). *The Global City*. New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press
- Sassen, Saskia (1996). *Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization*. New York: Columbia University Press
- Skidelski, Robert (1995). *The World after Communism. A Polemic for our Times*. London and Basingstoke: MacMillan
- Smith, Anthony (1995). *Nations and Nationalism in a global era*. Cambridge: Polity Press
- Wallerstein, Immanuel (1974). *The Modern World-System I*. New York: Academic Press
- Wallerstein, Immanuel (1980). *The Modern World-System II*. New York: Academic Press
- Wolf, Eric (1982). *Europe and the People without History*. Berkeley: California University Press

DEMOCRACY, STATE AND DEVELOPMENT: THE CASE OF THE POST-COMMUNIST UKRAINE

Pavlo Kutuev

(University "Kyiv-Mohyla Academy", Ukraine)

That king who tells his people that he is their protector but who does not or is unable to protect them, should be killed by his subjects in a body like a dog that is affected with the rabies and has become mad.

Mahabharata [quoted in 1, p.268]

This paper seeks to analyze the interrelation and interpenetration between major societal spheres critical for successful handling of the post-Leninist modernization/developmental project - Ukrainian state formation and political regime developments. The state is understood in this article as "a set of organizations through which collectivities of officials may be able to formulate and implement distinctive strategies and policies" [2, p.20-21]. In my conceptualization of political regimes I draw upon Highly and Burton who define them as "basic pattern of organization, exercise, and transfer of government decision-making power" [3, p.18].

It should also be taken into account that transformation of Ukrainian society - the country with a seventy-year rule of Leninist regime - differs dramatically from supposedly the same events in the polities involved into the socialist international system for forty years. This distinction was made by Ernst Gellner who has observed that "there is a perceptible difference between the areas that have been parts of the union since the Revolution, and those that were incorporated in it only at the end of the Second World War. The difference between seventy and forty years seems to affect the nature of social memory profoundly: the forty-year-ers have a sharp sense of what the other world is like, and the seventy-year-ers have largely lost it. They know no other" [quoted in 4, p.31].

Machiavelli formulated the universal challenge facing any undertaker of sweeping socio-political change in the following terms: "It ought to be considered that there is nothing more difficult to plan, more unlikely to succeed with, or more dangerous to manage than to take the lead in introducing new methods of *government*, because the introducer has as enemies all those who profit from the old method, and as only lukewarm defenders all those who will profit from the new ones. This lukewarmness results partly from fear of their adversaries, who have the laws on their side, partly from the incredibility of men, who do not really trust a new program unless they learn by experience that it is firmly established" [5, p.110]. "The central question in the Soviet Union today is *political*, not economic, technological or military", advanced Machiavelli's argument further a brilliant student of Leninist societies Ken Jowitt on a wake of the USSR disintegration [6, p.220]. The same statement is a relevant diagnosis of the current socio-political constellation in now post-Leninist Ukraine. In a light of this, it is puzzling how little attention scholars have paid to the issue of *political regime* with its embeddedness and elective af-

finity to new societal (dis)order. The lack of the general theory capable of formulating and dealing with pressupositional issues have produced vague particularistic accounts of post-Leninist regimes, thus, assisting the transformation of Sovietology - a discipline with a solid theoretical background - into atheoretical "transitology". Moreover, the latter has become akin rather to investigative journalism than to academic endeavor. In this respect it is worth noting that the choice of the terms Leninist and post-Leninist regimes has been made deliberately. The notion of the "Leninist Phenomenon" is of critical importance for correct understanding and definition of the societies under the Leninist party rule and after its demise. Elaborate development of this point can be found in Ken Jowitt's brilliant account in his seminal "New World Disorder" [6, p.1-49]. I am also talking about transformation instead of transition. The latter concept even linguistically implies smooth, evolutionary and unproblematic - basically technical - shift from one type of societal organization to another. Criticism of Western Sovietology and transitology stress on evolutionary aspects of the social change in Leninist and post-Leninist countries can be found in Jowitt's illuminating paper [7]. Both regimes have to "attack the institutional bases" [6, p.27] of peasant and (post)socialist society respectively. Contrary to their Leninist predecessors post-Leninist polities are characterized by the total lack of clear vision of transformation strategy. This is particularly the case of Ukraine which is suffering from inadequate leadership incapable of handling the task of transforming social, economic, and political institutions as well as cultural system of the society. The distinction between policy choices and alternatives of historical development has been suggested by Zbigniew Brzezinski in his pioneering account of then the Soviet political system developmental dilemmas [8, p.7].

The fact that no social theory has so far produced a valid long term predictive insights does not undermine the centrality of the theoretically oriented discourse for the inquiry into the nature of post-Leninist societal systems and political communities. The total absence of clear theoretical perspective often produces false accounts which appear to be a chaotic mis mash of various incompatible concepts. By assuming "coherent, durable monads rather than contingent, transitory connections among socially constructed identities" [9, p.1595] scholar fails to appreciate the fact "that regularities in political life are very broad, indeed trans-historical, but do not operate in the form of recurrent structures and processes at a large scale" [9, p.1601]. For instance, one of the attempts at defining the political regime of contemporary Ukraine arrived at the conclusion that it can be characterized as a "mixed one", combining "elements of *all* (sic! - P.K.) major "pure" political regimes: a) democratic, b) authoritarian, c) autocratic, d) dictatorial, e) totalitarian, f) anarchic, and g) ochlocratic" [10, p.119]. This paradigmatic example of an inadequate application of so-called "muliti-factor" interpretation of the phenomena of social and political life is something critically different from Max Weber's concern about how to distinguish culturally significant causes of social action identifying "whether they are "adequate" or "inadequate" in relation to one another" [11, p.341].

Having sacrificed social and political theory as a discourse in favor of "explanatory" pseudo-practically oriented paradigm, social scientists have deprived themselves of the analytical tools for explaining social facts. Perhaps, the best example of such confusion caused by the lack of discursive argument is Linz and Stepan's volume on democratic transition and consolidation of post-authoritarian and post-Leninist regimes. Having identified volume's subject-matter and even conclusions in book's title, the authors, in fact, mostly deal with the threats of the *breakdown* of democracy and market failures in post-Soviet socio-cultural and political setting [12]. It is worth recalling here Weber who insisted that "it is, not of course, my aim to substitute for a one-sided materialistic an equally one-sided spiritualistic casual interpretation of culture and of history. Each is equally possible, but each, if it does not serve as the *preparation*, but as a conclusion of an investigation, accomplishes equally little in the interest of historical truth" [13, p.183]. The same conclusion holds true concerning the interpretation of the phenomenon of Leninist extinction and subsequent developments - both transition to market democracy model and societal transformation/degeneration approach are valid provided that they are sensitive to the singularity of social and political processes as well as their cultural milieu.

More recent attempt of Kyiv-based author Volodymyr Polokhalo to draw a line between - in fact to insulate - allegedly already adequate and rich empirical research and theoretical conceptualization [14, c.12] fails to utilize findings of post-positivist philosophy and methodology of social sciences which go beyond ontological opposition "fact-theory" stipulating its analytical nature. Contemporary theorists of sociology and politics assert that "the empirical data of science are theoretically informed. The fact-theory distinction is neither epistemological nor ontological... It is *analytical* distinction. Scientific commitments are not based solely on empirical evidence. Fundamental shifts in scientific beliefs occur only when em-

pirical changes are matched by the *availability of convincing theoretical alternatives*. [15, p.17]. Seeking "salvation from unfamiliar phenomena in familiar terms" [16, p.245], usually has a false account as its result. Polokhalo labels current Ukrainian socio-political arrangement as post-communist neo-totalitarianism which combines features of authoritarianism and oligarchy [14, c.17]. Thus, his false account fails to appreciate the continuity and change in the development of Leninist systems and dynamics of Leninist legacies. To deny the Leninist extinction and argue that the Soviet rulers masterminded the transition from Leninist party-state rule to post-Leninist neo-totalitarian dictatorship as Polokhalo does is to ignore the singularity of developmental stages of Soviet regime - from totalitarianism (or consolidation/ transformation in terms of Jowitt) too post-totalitarian (inclusion through social mechanism of neo-traditionalism) and gives too much credit to purposive activities of ruling establishment of Leninism on its late stage. Polokhalo tends to forget Weber observation that "the yardstick of moralist is not a yardstick of the politician" [17, p.389] nor that of a scholar we may add and accuses Ukrainian post-Leninist society in submission to and "pathological solidarity with former nomenklatura". Unfortunately, moralizing criticism rarely contributes to our understanding of societal dynamics. What has been labeled pathological solidarity and immoral "compromise" has been a result of removal of limits imposed by Leninist regime on a Soviet scavenger society which was very much akin to Marx's ideal type of 19th century atomic and egoistic civil society.

Thus, thinking theoretically about post-Leninist regimes in general and Ukrainian case in particular, helps address issues relevant to both academic commentators and policy practitioners. Theorizing about alleged democratic nature of emerged post-Leninist regimes is tensely intertwined with a discourse on state and development of the societies in question.

Ukrainian state formation has so far born a great resemblance to the absolutist Europe's mode of state making as organized crime [18]. Absolutist state tax policies, discussed by Tilly, are strikingly akin to those employed by the government of independent Ukraine. Tax police seizures and customs levies and duties - policies enjoyed by absolutist states at their mercantilist stage is a favorite policy instrument of Ukraine's government. State Customs Committee of Ukraine "success" in filling the empty state treasury - its contribution amounted for approximately 20% of budget revenues for 1998 - while helps resolve short term policy goals makes Ukraine a nightmare for prospective investors in a long run. Recently conducted DHL survey of European customs agencies efficiency ranked Ukraine fourth among worst, giving way only to Bosnia, Yugoslavia and Moldova [19, p.6B].

As Ken Jowitt spells it out "the institutional framework, the practice and habits of elites, and the sociocultural constitutions in these countries assign critically different meaning to events in Western democracies and Eastern European countries" [6, p.291]. Impersonal practices and norms of modern rational-legal state have been greatly influenced by the experience of ascetic Protestantism because Protestant "sect opposes the charisma of office and insists upon "direct democratic administration" by the congregation and upon treating the clerical officials as servants of congregation" [11, p.1207-1208]. New institutions of Ukrainian state and political society attempt to recapitulate Western liberal democratic patterns of political organization and policy choices, but the resemblance of structures does not automatically lead to the similarity of values and patterns of behavior let alone institutions' legitimacy. This pattern of activities is far from Weberian procedural rationality of methodical acquisition of economic and political resources. These activities can be understood at best as a strive for regime justification since, as Offe and Preuss have insightfully noted, the "democracy" has become a universal formula of legitimation of a broad range of radically different societies and their respective models of governance and participation. By the mid-1970s, there was virtually no regime between Chile and China that did not rest its claims to legitimacy upon being "democratic" in some sort, or at least upon its being in the process of some transition to some version of democracy. Thus the term "democracy" seemed to have lost its distinctiveness: it failed to highlight significant differences between socio-political arrangements" [20, p.143]. Stripped of its social and economic content, democracy in Ukraine has been reduced to mere procedural electoralism - an efficient tool of manipulation in hands of those with a privileged access to "generalized means of exchange" - to employ Parsons' terminology - money and power.

President Kuchma has recently credited himself for creating a stable society in Ukraine [21]. This may well have been true - the social, political and economic arrangements of the post-Leninist Ukraine are strikingly stable especially in a light of dismantling of the Soviet system of *laissez faire* and continued economic decline, which finds no parallel even in a Great Depression. As the Brazilian scholar Francisco Weffort has noted "the process of political democratization occurred at the same moment in

which those countries suffered the experience of a profound and prolonged economic crisis that resulted in mass social exclusion and massive poverty... Some of these countries are building a political democracy on a top of a minefield of social apartheid..." [quoted in 22, p.17]. Most "advanced" transitologists, drawing upon African and Latin American experiences of "democratic consolidation" have formulated the challenge to developmental agenda as follows: "How can structural adjustment in economy, which imposes so much short-term pain..., be reconciled with democracy?" [23, p.41]. In Ukrainian case the question must be re-phrased: How can collapse of the economy which imposes *long-term* pain can be reconciled with a relative stability (understood for the sake of clarity and simplicity as a lack of violent conflicts and civil unrest) of regime? This question is particularly puzzling since population at large is showing no trust in state institutions while exhibiting increasing dissatisfaction with catastrophically deteriorating life standards.

Students of post-Leninism often come up with one-sided physiological-aggregated explanation stressing population's fear of "social chaos under the radicalization of societal changes" [24, c.10] which fails to conceptualize the rationale behind regime existence and stability. This problem resembles the puzzle of the Soviet regime stability so vigorously discussed by Sovietologists not so long ago. The most plausible answer has been suggested by Ken Jowitt: "The Soviet Union lasted as long as it did, because it disciplined (often through terror) most, rewarded many, and attracted a strategically loyal few for at least fifty of those seventy-four years. Being for a certain period totalitarian, and always dictatorial did not prevent the Soviet party from being what is now fashionably referred to as socially "embedded" [7, p.45]. Employing the analogous style of reasoning we will arrive at the following set of conclusions - first of all, even elites in "precarious position do not have to seek support from everyone" [25, p.108]. Secondly, so transparent government's incompetence is rather a result of unconstrained power which, according to Karl Deutsch, "is the ability to afford not to learn" [26, p.111]. Relative stability of Ukrainian political arrangement lies in a fact that the state has let the majority of population struggle for survival by its own means (within the frameworks of virtual and shadow economies), has given many an opportunity for self-expression and possibilities for political and/or economic mobility and in a manner strikingly akin to its Soviet predecessor has attracted strategically important few. Ukrainian stratum of "strategically few" is composed of those with rooted interests in existing "booty" capitalism as well as in patrimonial state which, according to Weber, is quite tolerant "toward social mobility and acquisition of wealth", but "does not favor rational enterprise" [11, p.1102].

Stability, based upon such grounds, cannot hope for having life span of the Soviet Union but it may well become a long term pattern of the societal degeneration given the experience of numerous African and Latin American countries.

It should be noted that I am concerned here with a regime stability in the narrow sense - merely as an endurance which implies the persistence of pattern without references to "decisional effectiveness and authenticity" [27, p.184]. Therefore, "a system may be stable because of... the ineffectiveness (or bad luck) of its opponents; it may persist as did the Third Republic, for no better reason that it never quite manages even to collapse, despite much opposition and many hairbreadth escapes" [27, p.183]. This, of course, does not rule out the possibilities of revolutionary surprise - as Timur Kuran has observed "until the Iranian revolution, almost all students of Iran subscribed to the view that the Iranian state was traditionally despotic and the Iranian nation submissive and fatalistic" [28, p.1536].

These considerations lead us to the assertion of Weberian distinction between feudal and patrimonial polities. Listen to Machiavelli paradigmatic discussion of these two ideal-types of political organization to which Weber would have subscribed himself: "principalities of which there is any historical record are managed in two different ways: in the first, one man is a prince and all the other officials are slaves, who act as ministers, and aid in governing the kingdom through his grace and permission; in the second type, there are a prince and barons, and the latter hold their positions not through the grace but through the antiquity of their blood. Such barons have states and subjects of their own, who recognize them as lords and have a natural attachment to them. ... Two examples of these two kinds of government in our times are the Turk and the king of France. The whole monarchical administration of the Turk is controlled by one lord; the others are his servants; and dividing his kingdom into sanjaks, he sends out different administrators and changes and varies them as seems good to him. But the king of France is placed in the midst of a multitude of lords, long established in their positions... They have their privileges, which the king cannot take away except at his peril" [5, p.104].

If "federalization" of Russian state has become akin to decentralization of early feudalism, where the peripheral centers of power may challenge the authority of the state, Ukraine's political development can be perceived in terms of patrimonial type of domination. According to Weber, the generic feature of patrimonial state is ruler's ability to organize "his political power over extra-patrimonial areas and political subjects... just like the exercise of his patriarchal power... The establishment of "political domination", that is of one master's domination over other masters who are not subjects to his patriarchal power implies an affiliation of authority relations which differ only in degree and content, not in structure" [11, p.1013]. In other words, patrimonial domination fosters the personal dependency of state incumbents and political actors on the ruler (be it ancient prince or "modern" politician elected through universal suffrage): "Consider for example, the relationship between powerful political patrons and humble Saratsen shepherds. Relations of mutual obligation bind host and guest. What they have to offer each other may be very different: votes on the one side, a degree of security and protection on the other. ...Mutual courtesy marks the clear understanding that loyalty gets protection and protection gets loyalty" [29, p.175]. This comment helps us appreciate the obvious orientation of incumbent regime towards capitalist accumulation intertwined with the self-evident inefficiency of its market reform policies - a puzzle usually explained by pointing to the Ukrainian politicians lack of mysterious quality - political will to push through reforms. Such explanation tends to neglect Weber's account that "not ideas, but material and ideal interests, directly govern men's conduct" [17, p.280]. More scrupulous analysis of patrimonial state suggests that unlike charisma which rejects as undignified all methodical rational acquisition, in fact, all rational economic conduct, the former implies as the most fundamental obligation of the subjects "the material maintenance of the ruler... With the development of trade and of money economy the patrimonial ruler may satisfy his economic needs no longer through the *oikos* but through profit-oriented monopolism. ...In the course of financial rationalization patrimonialism moves imperceptibly toward bureaucratic administration, which resorts to systematic taxation" [11, p.1015]. These developments result in emergence of robber capitalism whose structure and spirit "differs radically from the rational management of an ordinary capitalist large-scale enterprise and is most similar to some old age phenomena: the huge rapacious enterprises in the financial and colonial sphere and occasional trade... The double nature of what may be called the "capitalist spirit", and the specific character of modern routinized capitalism with its professional bureaucracy, can be understood only if these two structural elements, which are ultimately different but everywhere intertwined, are conceptually distinguished" [11, p.1118]. Even introduction of universal franchise does not automatically lead to destruction of the system of dependency relationship based on loyalty and fidelity intrinsically inherent to the political system based on patrimonialism. Under the circumstances framed by patrimonial political structure the representative, in fact any elected high ranking official, is conceived as "the chosen "master" of his voters" [11, p.1128]. To sum up, patrimonial system "gives free rein to the enrichment of the ruler himself, the court officials, favorites, governors, mandarins, the tax collectors, influence peddlers, and the great merchants and financiers who function as tax-farmers, purveyors, and creditors. The ruler's favor and disfavor, grants and confiscations, continuously create new wealth and destroy it again" [11, p.1099].

To my mind, Leninist regimes can be best conceptualized as a response to the conditions of national dependency - that was the case of *all* revolutionary system-building regimes guided by consensual ideology. (Consensual ideology, according to Jowitt, demands "internal agreement in terms of shared perspectives, the content of behavior, and the abolition of differences" [25, p.22]). The strategic developmental agenda of regimes in question included revolutionary breaking-through - industrialization, collectivization, mass education, and forging party cadres and national political community building [25]. Because of the grand failure of the Leninist project, post-Leninist political regimes face the similar challenge - they have to make an attempt at becoming modern but under the conditions of rapid post-modernization of the countries belonging to the core of the capitalist world system. Though ambiguous as it is, the notion of post-modernity goes beyond the mere discourse of philosophers and students of culture. Its implications can be traced in all societal spheres of advanced capitalist liberal-democratic countries. This itself is an additional "built-in" hindrance for post-Leninist developmental project which bears a great resemblance with its Leninist predecessor - while the latter ended up with over-industrialized economy of 19th century type, its Western ideological adversaries were preparing for coming post-industrial, information, knowledge society. At present the former ones are confronted with a task of pursuing modernization strategies while, the West is leaving this stage behind.

The belief in institutional weakness of successive post-Leninist states has become uncritically accepted conventional wisdom among transitologists. It must be said that Ukraine inherited an elaborated system of administrative institutions from its Soviet predecessor. Though being not an ideal of effectiveness and efficiency, it could have shown much better performance had the interests of policy-makers coincided with the pursuit of developmental strategies.

Eight years of clumsy efforts at implementing post-Leninist developmental task, which can be termed as a second edition of modernization, have proved to be a second failure. Perhaps, it would be the simplest solution to blame for bringing the country to standstill the resistance of "obsolete structures of public administration" that oppress the emergent civil society [24, c.10]. Opposite explanation has recently been suggested by Volodymyr Polokhalo who has termed post-Leninist regime post-communist neo-totalitarianism which preys upon non-civil society [14]. Both approaches are equally one-dimensional and fail to appreciate the singularity of the Ukrainian polity under the stress of transformation. Polokhalo's treatment of incumbent Ukrainian regime as post-communist neo-totalitarianism is neither explanatory nor analytic, it can hardly even qualify as descriptive. Moreover, supposedly "novel" concept of non-civil society has been predated by concepts of scavenger and uncivil societies developed by Ken Jowitt [6, p.226] and Chris Hann [30] respectively long before the appearance of "seminal" study of Ukrainian author.

Post-Leninist developmental project could have been based on capitalizing the achievements of Leninist transformation undertaking mentioned above and, thus, should have included resuming economic growth and modernization of economic relations that were strikingly primordial under the Soviet rule through the introduction of adequate regulation and overall liberalization, and incorporation of Ukrainian economy into the global world-system at a level of periphery with possible upgrading to semi-periphery in the future. But endemic to the polity of patrimonial bent "traditionalism and arbitrariness affect very deeply the developmental opportunities of capitalism. Either the ruler himself or his officials seize upon the new chances of acquisition, monopolize them and thus deprive the capital formation of the private economy of its sustenance... On the other hand, the wide latitude of ruler's unrestricted discretion can reinforce the anti-traditional power of capitalism in a given case, as it happened in Europe during the period of absolutism. ...As a rule, the negative aspect of this arbitrariness is dominant, because... the patrimonial state lacks the political and procedural *predictability*, indispensable for capitalist development, which is provided by the rational rules of modern bureaucratic administration" [11, p.1094-1095]. Both Marx and Weber and more recently world system theorists have asserted that such conditions are conducive to rapid expansion of merchant capital whose "independent development is in opposite relation to the general economic development of society" [Marx, c.360].

Rapid marketization of economy and development of capitalism more generally can be pursued through application of two mutually exclusive strategies - encouragement of accumulation and consumption respectively [32]. The successful accomplishment of the former task is only possible under condition of already achieved capital accumulation - the process which is now under way in contemporary Ukraine. Therefore, President Kuchma's recent proposal to boost economic growth through the use of consumption policies is a mixture of wishful thinking, conscious manipulation/disinformation and ideological - in a classical Marxian sense - misrepresentation of reality [33, c.56]. As Marx's compelling analysis suggested, primitive accumulation can be effective only at somebody's expense when those somebody - representatives of lower classes as a rule - are deprived of their property and transformed into wage labor.

Appreciation of the complexity of Leninist societies with their undeniable achievements in education and industrialization should not be confused with their alleged modernity. As Hungarian political scientist I. Balogh has convincingly shown, industrialization - the major element of Leninist developmental agenda - if pursued "without launching processes in social and cultural spheres of modernization, eventually undermines itself and transforms into social regress" [34, p.109]. Breaking-through with a national dependency under the leadership of charismatic institution - the party of organizational weapon type - in countries where bourgeoisie was almost absent, reduced modernization to the task of industrial transformation aimed against the class of capitalist entrepreneurs. Thus, one of the major challenges to post-Leninist societies is whether they will be able to create conditions conducive to bourgeois modernization through socialization which is a "cultural, economic, and political process ultimately leading to (or possibly leading to) reconstruction of the whole structure of a society, emergence of a structured but united from the point of view of mentality system of values, norms, incentives in societal modernization and ensure the success of modernization" [34, p.120]. Pursuit of solely marketization policies instead of

developing frame of reference of modern (civil) society will lead to social differentiation cutting across between impoverishment and enrichment. Perhaps the best scenario of the direction of Ukrainian post-Leninist transformation that has already begun to realize was suggested by I. Balogh who was drawing on the experience of Hungarian transformation: "under the circumstances of distinct polarization social tension will become the most immediate issue, superseding the alternatives of modernization. No doubt, that there is a threatening tendency of emergence of a type of poor entrepreneurial side by side with a rich strata which is not a bourgeois one, as well as accelerated deterioration and atomization of a weak itself middle class coupled with decreasing living standards and increasing wave of immigration of intelligentsia which is capable of playing a decisive role informing and proliferating cultural values and patterns of modernization. Coming years will show whether the tendency of accelerating of polarization along poverty/wealth line can be changed and reversed and if the revival of a middle class will begin or, despite opposite declarations and programs polarization of the poverty and wealth will become a defining factor molding the structure of society. In this case, now only under the slogan of "joining Europe" Hungary will inevitably find itself in a traditional impasse of East and Central European modernization" [34, p. 122]. What was thought of as just one possible alternative among many others of post-Leninist development in Hungary has become the steady pattern of societal decay in Ukraine.

References

1. Guha R. Dominance Without Hegemony and Its Historiography // Subaltern Studies. - №6. - P. 210-305.
2. Skocpol T. Bringing the State Back In // Bringing The State Back In. - Cambridge: Cambridge University Press, 1985. - P.3-37.
3. Highly J., Burton M.G. The Elite Variable in Democratic Transition and Breakdowns // American Sociological Review. - Vol. 54. - №1. - P.17-32.
4. Szporluk R. After Empire: What? // Deadalus. - 1994. - №123. - P. 21-40.
5. Machiavelli N. The Prince and Other Works. - Chicago: Packard and Company, 1946. - 305 p.
6. Jowitt K. New World Disorder: The Leninist Extinction. - Berkeley: University of California Press, 1993. - 342 p.
7. Jowitt K. Really Imaginary Socialism // East European Constitutional Review. - 1997. - Vol. 6. - №1. P.43-49.
8. Brzezinski Z. The Soviet Political System: Transformation or Degeneration? // Problems of Communism. - 1966. Vol. 15. - №1. - P. 1-15.
9. Tilly Ch. To Explain Political Processes // American Journal of Sociology. - Vol. 100. - №6. - P. 1594-1610.
10. Political System and Political Regime // Political Thought. - 1993. - №1. - P. 117-120.
11. Weber M. Economy and Society. - Berkeley: University of California Press, 1978. - 1462 p.
12. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. - Baltimore: John Hopkins University Press, 1996. - 479 p.
13. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. - New York: Scribner's, 1958. - 230 p.
14. Полохало В. Політологія посткомуністичних суспільств в Україні і Росії // Політична думка. - 1998. - №2. - С. 9-22.
15. Alexander J.C. Centrality of Classics // Social Theory Today. - Stanford: Stanford University Press, 1987. - P. 11-57.
16. Trotsky L. The Revolution Betrayed. - New York: Merit Publishers, 1965. - 397 p.
17. Weber M. From Max Weber: Essays in Sociology. New York: A Galaxy Book, 1958 - 490 p.
18. Tilly C. State Making and War Making as Organized Crime // Bringing The State Back In. - Cambridge: Cambridge University Press, 1985. - P.169-191.
- Herzfeld M. The Social Production of Indifference. - New York: Berg, 1992. - 207 p.
19. Korshak S. Customs Gets Low Marks // Kyiv Post Business. 1999. - April 22. - P. 6B.
20. Offe C., Preuss U. Democratic Institutions and Moral Resources // Political Theory Today. Stanford: Stanford University Press, 1991. - P.143-171.
21. Факты и комментарии. - 1999. - 5 июля. - С. 2.

22. Lipset S.M. The Social Prerequisites of Democracy Revisited // American Sociological Review. - 1994. - Vol. 59. - №1. - P. 1-22.
23. Diamond L. The Second Liberation // Africa Report. - 1992. - Vol. 37. - №1. - P. 41
24. Головаха Є.І. Стратегія соціально-політичного розвитку України. - Київ: Абрис, 1994. - 63 с.
25. Jowitt K. Revolutionary Breakthroughs and National Development. - Berkeley: University of California Press, 1971. - 317 p.
26. Deutsch K. The Nerves of Government. - New York: Free Press, 1966. - 309 p.
27. Eckstein H. Regarding Politics. Essays on Political Theory, Stability and Change. - Berkeley: University of California Press, 1993. - 405 p.
28. Kuran T. The Inevitability of Future Revolutionary Surprises // American Journal of Sociology. - 1995. - Vol. 100. - №6. - P.1528-1551.
29. Herzfeld M. The Social Production of Indifference. - New York: Berg, 1992. - 207 p.
30. Hann C. The Nation State, Religion, and Uncivil Society: Two Perspectives from the Periphery // Deadalus. - 1997. - Vol. 126. - №2. - P. 27-45.
31. Маркс К. Капитал. - Т. 3. - Ч. 1. - М.: Политиздат, 1985. - 508 с.
32. Neuhouser K. Democratic Stability in Venezuela: Elite Consensus or Class Compromise? // American Sociological Review. - 1992. - Vol. 57. - №1. - P. 117-135.
33. Поглиблення ринкових реформ та стратегія економічного розвитку України до 2010 року // Мат-ли наук. конф. - К.: УкрІНТЕІ. - 1999. - Ч. 1. - 61 с.
34. Балог И. Буржуазная социализация и шансы на модернизацию // Венгерский меридиан. - 1992. - №1. - С.109-123.

ФЕНОМЕН МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ

В.В. Фесенко

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Одним из ключевых понятий современных общественных наук на рубеже тысячелетий стал концепт “глобализация”. Термин “глобализация” часто определяется по-разному. Между тем даже буквальное значение этого понятия фиксирует нарастание, усиление общности человечества, становление мира (человеческой цивилизации) как единого целого.

Процессы глобализации не только существенно трансформируют традиционные политические, экономические и социокультурные формы общественной жизни, но и рожают новые феномены, анализ которых требует и новых концептуальных подходов.

Одним из таких новых феноменов является “международное общественное мнение” (англоязычный эквивалент данного термина – *‘international public opinion’*; в ряде публикаций используются близкие по форме и почти тождественные по значению термины *‘world public opinion’* [1], *‘world opinion’* [2]). Показательно, что справочная поисковая система Yahoo дает 241947 ссылок на упоминание термина “международное общественное мнение” (либо использование понятие “общественное мнение” в международном контексте) на различных веб-страницах во всемирной компьютерной сети “Интернет”. Уже само по себе стремление ввести в научный оборот упомянутые термины свидетельствует о наличии потребности в терминологическом обозначении новой объективной реальности. Кроме того, все чаще наблюдается артикулирование интересов, намерений, целей, оценок, а также их обоснование от имени мирового сообщества, либо, напротив, - апеллирование к мировому сообществу. Вот лишь некоторые, наиболее яркие, примеры: масс-медийная “арт-подготовка” операции “Буря в пустыне”, бурная реакция “международной общественности” на косовский кризис и последующие натовские бомбардировки Югославии, на военные действия России в Чечне и недавний арест российского медиа-магната Владимира Гусинского.

Введение в научный оборот нового понятия требует его определения. С другой стороны, если говорится о международном (глобальном) общественном мнении, то, как этот новый концепт соотносится со своим родовым понятием – “общественное мнение”? Проблема усугубляется тем обстоятельством, что само общественное мнение определяется и трактуется по-разному. Г. Чайлдс

во второй главе своей книги "Общественное мнение: природа, формирование, роль" (1965) приводит 50 определений общественного мнения. А вот У. Ф. Дэвисон в своей статье об общественном мнении (1968) для "Международной энциклопедии социальных наук" отмечал, что не существует общепринятого определения "общественного мнения".

В наиболее общем смысле под общественным мнением понимается совокупность мнений людей, выражение ими своих позиций относительно вопросов, представляющих общественный интерес [3]. Вместе с тем, анализ различных дефиниций понятия "общественное мнение" позволяет выделить три различных (хотя и взаимосвязанных) стороны этого феномена:

1. Общественное мнение как рациональность. В этом качестве оно играет роль инструмента в процессе формирования и принятия решений в условиях демократии.

2. Общественное мнение как социальный контроль. В данном случае его роль заключается в содействии социальной интеграции и в обеспечении достаточного уровня согласия, на которое могут опираться действия и решения.

3. Выявление общественного мнения через опросы общественного мнения. Эта практика восходит к американскому исследователю Джорджу Гэллапу и в настоящее время является широко распространенной.

Именно последнее обстоятельство вынуждает многих исследователей скептически относиться к использованию понятия "общественное мнение" в международном (глобальном) контексте. Если на уровне национальных государств опросы общественного мнения во многих странах мира осуществляются регулярно и стали неотъемлемой частью общественной жизни, то всемирные опросы общественного мнения (в подлинном смысле этого термина, т.е. представляющих картину настроения, мнений, предпочтений и оценок населения всего земного шара в определенный период времени, и проводимых с использованием инструментария статистически значимой и представительной выборки) не проводятся. Многочисленные международные опросы осуществляются в рамках сравнительных исследований, охватывают либо отдельные регионы мира (например, опросы по программе "Евробарометр" – внутри Европейского Союза), либо ограниченное (хотя и достаточно значительное) число стран (например, всемирные кросс-национальные опросы по изучению ценностей – *World Values Surveys*, проводимые с 1970 г. и охватывающие несколько десятков стран мира, в 1990-1993 – 43 страны [4]) и не могут претендовать на представление мнения человечества в целом.

Вместе с тем, увеличение числа и расширение масштабов международных опросов является косвенным подтверждением постепенного становления международного общественного мнения как социального института.

Однако опросы общественного мнения являются далеко не единственным медиумом, репрезентирующим настроения общества. В качестве таких посредников и каналов передачи общественного мнения могут выступать средства массовой информации, обращения людей в учреждения и организации, представляющие их интересы (либо связанные с реализацией их интересов), публичные высказывания авторитетных представителей общества (государственных и общественных деятелей, известных ученых и деятелей искусства), народное творчество (в том числе и устное) и т.п.

На глобальном уровне в качестве главного медиума международного общественного мнения выступают средства массовой информации, имеющие в силу своего авторитета, популярности или ресурсных возможностей (что относится, в первую очередь, к электронным масс-медиа) международное влияние. Список этих масс-медиа достаточно ограничен: рынок телевизионных новостей, доступных в международном масштабе, поделен между *CNN*, *News International* и *BBC*; рынок сбора новостей – между крупнейшими информационными агентствами – *UPI (United Press International)*, *AP (Associated Press)*, *Reuters*; наиболее авторитетные и часто цитируемые печатные издания – *New York Times*, *Washington Post*, *Financial Times*, *Wall Street Journal*, *Economist*, *Newsweek*, *International Herald Tribune*, *Le Monde*, и ряд других газет и журналов, издаваемых в США, Великобритании и Франции. Названные масс-медиа по их статусу и влиянию можно отнести к пулу глобальных средств массовой информации. Именно из этих масс-медиа получает информацию мировая политическая, экономическая и культурная элита, именно эти средств массовой информации чаще всего цитируются (ретранслируются) на национальном уровне при освещении международных проблем.

И здесь пришло время вспомнить о концепции Иммануила Валлерстайна о взаимоотношениях стран центра (ядра) и периферии в рамках единой мировой системы. И. Валлерстайн ак-

центрировал внимание на экономической зависимости стран периферии от центра (экономически развитых государств) [5]. Вместе с тем, в современных условиях все большее значение приобретает не только экономическая, но и информационная зависимость стран периферии и полупериферии от центра мировой системы, в роли которого выступают развитые страны Запада. Информационное господство Запада хотя и является следствием его экономического доминирования, приобретает все более важное и самостоятельное политическое значение, обеспечивая лоббирование и принятие соответствующих решений в межправительственных организациях и на уровне национальных государств, а также влияние на элиты стран периферии и полупериферии.

Выбор глобальными масс-медиа объектов интереса, характер подачи информации, в значительной мере определяет повестку дня международного политического бомонда. Преувеличенно драматизированное, с элементами сознательной инсценировки, освещение последствий оккупации Ираком территории Кувейта в западных СМИ, способствовало принятию решения о начале операции "Буря в пустыне". По сути дела война в Заливе стала грандиозной PR операцией, призванной наглядно продемонстрировать мощь карающей десницы демократического Запада, направленной против диктаторского и агрессивного режима Саддама Хусейна. Съёмочные группы CNN и BBC, экипированные по последнему слову телевизионной техники, ожидали начала военных действий в Ираке. К войскам союзников и местам их ожидаемой дислокации были прикомандированы многочисленные команды журналистов, которые сопровождались аппаратом офицеров службы общественных связей. Только в американском корпусе этот аппарат насчитывал 150 офицеров [6].

Подобной же по масштабам PR акцией должна была стать и натовская операция против Югославии весной 1999 г. Однако реакция международного общественного мнения оказалась неоднозначной и противоречивой. Возможно потому, что военные действия были развернуты в непосредственной близости от границ европейского ядра мировой системы.

Следует отметить, что в последние годы в международный оборот введены термины, приобретшие статус "кодовых ключей", открывающих (мобилизующих) международное общественное мнение. Наиболее характерный пример – использование термина "гуманитарная катастрофа". Появление этого словосочетания в заголовках новостей из того или иного региона мира становится своеобразным сигналом тревоги и призывом к незамедлительным действиям для мирового сообщества.

Международные пропагандистские кампании и информационные войны, проводимые через глобальные средства массовой информации, стали характерным явлением современных международных отношений. Косвенным образом они также подтверждают формирование феномена международного общественного мнения. Объектом таких кампаний в последнее время не раз становилась Украина. К примеру, публикации в *"Файнэншл Таймс"* о злоупотреблениях Национального Банка Украины с кредитами МВФ связали воедино интересы Международного Валютного Фонда, дискуссии в рамках предвыборной президентской кампании в США и внутривнутриполитическую ситуацию в Украине. И это только последняя PR-кампания, объектом которой стала Украина.

Отметим, что все более значимым и наименее контролируемым каналом генерирования и передачи международного общественного мнения становится Интернет. Но и в данном случае, в силу технологического лидерства Запада, информационная экспансия идет из центра через полупериферию на страны периферии. Очевидно, что международное общественное мнение формируется по поводу политических, социально-экономических и культурных проблем, выходящих за пределы отдельных стран, зачастую имеющих глобальный характер и значение. Но чье это мнение? Мнение государств, международных организаций или отдельных людей?

В ряде публикаций сформулирована точка зрения, согласно которой, международное общественное мнение – это коллективная позиция государств и межправительственных организаций, причем предполагается наличие определенного глобального консенсуса, выраженного в этом мнении [7]. Конечно же, такой консенсус является скорее идеалом, чем реальной политической практикой. В известной мере воплощением подобного консенсуса должно являться международное право, но и оно далеко не всегда и не в полной мере отвечает этим требованиям. По мнению Джона Винсента, особенностью современной фазы мировой политики является наличие системы государств, вынужденной существовать и выживать в условиях культурно плюрального мира [8].

Принципиально важным является то обстоятельство, что международное сообщество выработало институциональные формы коллективного выражения мнения государств, осуществления диалога и поиска согласия между ними. Своеобразными "международными парламентами" стали Генеральная Ассамблея Объединенных Наций и Парламентская Ассамблея Совета Европы. Можно много дискутировать об эффективности Организации Объединенных Наций, решений, принимаемых Генеральной Ассамблеей ООН, политическом весе ПАСЕ, но и Генеральная Ассамблея Объединенных Наций, и Парламентская Ассамблея Совета Европы в полной мере выполняют функцию трибуны коллективного мнения сообщества государств. Коллективное мнение отдельных групп государств стремятся выразить и многие другие межправительственные организации.

Страны ядра "мировой системы" также выработали свои институциональные формы поиска и выражения коллективного мнения. В первую очередь следуют упомянуть встречи "Большой Семерки". В определенной степени ту же функцию выполняет и Совет Безопасности ООН, решающую роль в котором играют великие державы – постоянные члены СБ. Оппоненты могут возразить, указав на присутствие в Совете Безопасности ООН России и Китая и на полуофициальное присоединение России к "Большой Семерке". Но этот контраргумент свидетельствует о том, что необходимо преодолеть одномерность сугубо экономической оценки отношений центра-периферии в рамках мировой системы. Экономическое измерение должно быть дополнено военно-политическим и социокультурным.

А вот страны периферии с окончанием холодной войны в меньшей степени стали склонны к поиску и выработке коллективного мнения. Если раньше коллективным рупором развивающихся стран, как правило, выступало Движение неприсоединения (следует также упомянуть и Группу 77), позволявшее себе критиковать обе сверхдержавы, то теперь периферия покорно и почти единодушно следует в фарватере позиций, сформулированных странами ядра мировой системы.

Все более важную роль в артикулировании глобального общественного мнения играют международные неправительственные организации. Целый ряд из них (такие авторитетные организации как *"Transparency International"*, *"Amnesty International"*, *"Freedom House"* и некоторые другие) осуществляют контроль за соблюдением прав человека, политических свобод в различных странах мира, направляют соответствующую информацию в глобальные масс-медиа и международные межправительственные организации. Об эффективности подобного механизма формирования международного общественного мнения свидетельствует следующий пример. "Международная Амнистия" (*"Amnesty International"*) – организация, действующая в 162 странах мира, специализируется на проведении всемирных кампаний в защиту прав человека, за отмену смертной казни, пыток и других форм жестокого обращения с заключенными, освобождение узников совести, справедливое и своевременное рассмотрение дел политических заключенных, прекращение политических убийств и "исчезновений", преследований оппозиции и т.п.

В ежегодных докладах "Международной Амнистии" за 1997-1999 гг. подробно рассматривалась и ситуация в Украине. Основные проблемы, за которые критиковалась наша страна, – сохранение смертной казни как высшей меры наказания, применение пыток и жестокое обращение с заключенными. Помимо ежегодных докладов, за период с 1996 г. по 1999 г. Украина "прозвучала" в негативном смысле в 7 специальных информационных выпусках "Международной Амнистии", 4 из которых были непосредственно посвящены Украине, а также в Комментариях по 3-му Периодическому докладу посылаемому в Комитет ООН против пыток. В докладе 1999 г. отмечалось, что на конец 1998 г. в Украине, по крайней мере, 345 заключенных имели смертные приговоры, 81 из них был приговорен к смертной казни за первые 6 месяцев 1998 г. Подробно анализировались нарушения Украиной своих обязательств при вступлении в Совет Европы, приводились конкретные факты нарушений. В своих ежегодных отчетах "Международная Амнистия" последовательно отслеживала конфликт Украины с Советом Европы. Позиция и данные "Международной Амнистии" оказали несомненное влияние на жесткую оценку Советом Европы вопроса о выполнении Украиной своих обязательств, взятых при вступлении в эту организацию. В итоге Украина вынуждена была отказаться от применения смертной казни как высшей меры наказания и внести соответствующие изменения в уголовный кодекс.

На формирование международного общественного мнения может влиять не только позиция неправительственных организаций, но и деятельность отдельных авторитетных общественных деятелей. Как правило, это известные и популярные деятели правозащитного движения. Некоторые из таких фигур приобретают символическое значение и становятся своеобразными лидерами

международного общественного мнения. Достаточно вспомнить имена Нельсона Манделы и академика А. Сахарова. Быть знаковой фигурой для международного общественного мнения отнюдь не обязательно означает наличие авторитета и популярности у себя на родине, особенно в условиях недемократического режима.

Подводя итоги, международное общественное мнение можно определить как совокупность позиций, оценок, мнений, выраженных по поводу актуальных международных проблем государствами, международными межправительственными и неправительственными организациями, отдельными гражданами, и представленных главным образом посредством глобальных средств массовой информации.

Специфика международного общественного мнения заключается в том, что оно в значительной степени носит элитарный характер. Его продуцирует международная политическая, экономическая, научная и культурная элита, сосредоточенная в основном в странах Запада. Каналы выражения и распространения международного общественного мнения (через глобальные средства массовой информации) также сосредоточены исключительно на Западе.

Следовательно, международное общественное мнение репрезентирует прежде всего позицию стран ядра мировой системы. Более того, оно фактически выполняет функцию легитимации коллективной позиции Запада как мнения международного сообщества. С другой стороны, механизмы международного общественного мнения используются для лоббирования интересов Запада в процессе принятия решений в международных межправительственных организациях. По отношению к странам периферии международное общественное мнение латентно выполняет функцию социального контроля на основе ценностей и норм либеральной демократии.

Казалось бы, международное общественное мнение можно трактовать как еще один механизм зависимости и эксплуатации периферии со стороны центра мировой системы. Однако не стоит забывать, что по своей природе общественное мнение является демократичным социальным институтом. Пусть и не всегда адекватно, но оно отображает различные точки зрения, в том числе (на международном уровне) и интересы стран периферии. Именно международное общественное мнение привлекает внимание общественности благополучных стран Запада к острым социально-экономическим и политическим проблемам периферии мировой системы. Одним из наиболее ярких неконформных проявлений международного общественного мнения в пользу периферии стало бурное развитие в странах Запада антиглобалистского движения. Отражая и пропагандируя ценности либеральной демократии, международное общественное мнение также способствует постепенной демократизации стран периферии. Наличие механизмов международного общественного мнения позволяет и правительствам стран периферии и заинтересованным неправительственным организациям влиять на процесс принятия решений в международных межправительственных организациях и правительственных структурах стран ядра. Дело за тем, чтобы эти возможности эффективно использовались.

Примечания

1. См., напр.: Graham Evans and Jeffrey Newnham, *The Penguin Dictionary of International Relations* (London, New York: Penguin Books, 1998), p.578-579.

2. Christopher Hill, 'World Opinion and the Empire of Circumstance,' *International Affairs* 72, 1 (1996), 109-131.

3. См., напр., Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; пер. с англ.; под ред. С.А. Ерофеева. – М.: Экономика, 1999. – С.195-196; Большой толковый социологический словарь (Collins), Том 1 (А-О): Пер. с англ. – М.: Вече, 1999. – С. 507.

4. См.: Ronald Inglehart, *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997).

5. См.: Immanuel Wallerstein, *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century* (New York: Academic Press, 1974).

6. См.: Brian McNair, *An Introduction to Political Communication* (London, New York: Routledge, 1995), p.180-182.

7. См., напр., Graham Evans and Jeffrey Newnham, *The Penguin Dictionary of International Relations* (London, New York: Penguin Books, 1998), p.578-579; *The sociology of international relations* (Leamington Spa: Berg, 1987).

К ВОПРОСУ О "КОНЦЕ ИСТОРИИ", ИЛИ УКРАИНА В ВОЛНАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

О.Д. Куценко

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Прошло немногим более десяти лет, как была опубликована работа Ф. Фукуямы "Конец истории?", в которой автор, как известно, утверждал мысль о том, что мы становимся свидетелями кульминационного момента истории, а именно, завершения идеологической эволюции человечества на пути универсализации экономического и политического либерализма [1]. Революционные изменения конца 80-х — начала 90-х годов в странах коммунистического блока фактически подтверждали данный тезис. Однако уже со второй половины — конца 90-х годов ряд таких разных стран, как США, Великобритания, Германия, Польша, Венгрия и др., демонстрируют неудовлетворенность идеологией и политикой либерализма, акцентируют идеи демократического социализма и ставят проблему дальнейшего идеологического совершенствования современных обществ и миропорядка в целом. Выработка новой политики "третьего пути", стремящейся непротиворечиво сочетать представлявшиеся ранее антагонистическими принципы экономической эффективности и социальной справедливости, также отказ от универсальности либеральных идей в поисках экономико-политических механизмов посткоммунистического развития становятся практическим воплощением попыток движения *от* обозначенного Ф. Фукуямой "конца истории". Вместе с тем, представляется, что артикулированный Ф. Фукуямой гегелевский тезис о кульминационном моменте истории, на пике которого происходит завершение идеологической эволюции и разрешение фундаментальных противоречий человеческого общества, содержит в себе высокий потенциал понимания процессов современного развития, в том числе и понимания направленности трансформации украинского общества. Именно поэтому мы предлагаем еще раз задуматься над процессами развития современного общества в контексте идей "конца истории", а также мир-системных идей И. Валлерстайна и "вызовов истории" А. Тойнби [2].

Общественную историю можно представить как бесконечный стихийно-закономерный поток преодоления вызовов, которые возникают перед обществом со стороны природной, личностной и духовной среды как аспектов космической системы. Когда гомеостатическое напряжение в такой системе усиливается, то усиливается и поток вызовов, которые для общества становятся "вызовами истории", безусловно требующими своего разрешения через нахождение новых смыслов и форм общественных взаимодействий в рамках мирокосмического порядка. В течение долгих веков и тысячелетий процессы "вызовов и ответов" изменяли, разрушали и создавали исторические системы, которые имели пространственную локализацию и, как правило, сосуществовали с другими формами мир-систем (в терминологии И. Валлерстайна). Вместе с тем, как аргументирует И. Валлерстайн, уже к концу девятнадцатого века на планете складывается единственная доминантная, очень динамичная форма исторической системы — капиталистическая мир-экономика, поглощающая существующие империи и стремящаяся к дальнейшему расширению [3]. Это, с нашей точки зрения, принципиальный вывод, отражающий ключевую характеристику современного общественного развития. Сущностной характеристикой этой системы становится интенсивный поиск, расширенное производство и воспроизводство всех тех ресурсов (или капиталов) и технологий, которые могут приносить дополнительные жизненные блага и обеспечить цивилизованный уровень жизни массе катастрофически быстро растущего населения. А доминантными, либо господствующими группами в рамках функционирующей капиталистической системы становятся все те, кто обладает доступом к контролю над основными ресурсами расширенного общественного воспроизводства и способен рационализировать и, тем самым, интенсифицировать данный процесс. И. Валлерстайн предлагает к обсуждению теоретическую проблему о следствиях того факта, что капиталистическая мир-экономика действует без внешних по отношению к ней систем. В пе-

реформулированном виде эта проблема может звучать как вопрос об источниках движения мир-системы, или вопрос об угрожающем "конце истории" в постановке Гегеля и Фукуямы.

В отличие от И. Валлерстайна мы полагаем, что капиталистическая мир-экономика с начала двадцатого века развивалась не только на почве индустриальных обществ рыночного типа и в силу этого содержала в себе сильное противоречие как источник саморазвития.

Уже к середине девятнадцатого века для ученых и политиков того времени стали очевидными обнажившиеся в результате естественных фундаментальных социальных сдвигов структурно-культурные противоречия системы: отсутствие адекватных со стороны системы ответов на эрозию традиционных общественных отношений, рост миграции из сельских районов в промышленные города, взрыв численности свободных, но бедных и не имеющих собственных производительных ресурсов (кроме дешевой рабочей силы) групп людей. На этой нерегулируемой со стороны системы почве стали активно развиваться структурно-культурные конфликты между собственниками капиталов и не-собственниками, бедными и богатыми, рабочими и управляющими, рабочим и средним классом, "приобщенными" и "неприобщенными" к различным формам "священного" (в терминологии Р. Нисбета). В этих социальных конфликтах отражалась дуальность мира как такового и процессов его движения: противоречие и дополнительность закономерного и случайного, рационального и иррационального, организованного и стихийного, свободного и ограничивающего свободу. Такая объективная дуальность содержит в себе и разные версии возможного понимания миропорядка. Данные конфликты и соответствующие структурные позиции, субъективно воспринимаемые как ограничения свободы, становились фактором развития альтернативных мировосприятий и выражающих их идеологий.

Так или иначе, утверждающиеся идеологии (прежде всего, либерализма и социализма) были ориентированы на расширение как *регулируемости общественных процессов, так и свободы от структурных зависимостей*. Однако в механизмах достижения этих целей они артикулировали различные основания мира. В результате накопившихся в процессе созревания новой исторической системы культурно-структурных противоречий в начале двадцатого века произошел ее внутренний раскол, выразившийся в оформлении альтернативных версий общественного развития в рамках общей системы. Движущей силой этого процесса стало противоречие в общественном сознании, отразившее противоречивость космического миропорядка, и противоречие в выбранных формах социального действия.

В результате происшедшего *системного раскола* капиталистическая мир-экономика стала развиваться в двух альтернативных формах. Основное разделение между ними происходило в понимании пределов регулируемости общественных процессов, "допущении" либо "недопущении" стихийного начала развития.

"Недопущение" стихийного начала предполагало ориентацию лишь на причинно-следственные основания мира, возможность абсолютной истины и единственно верного выбора, а, следовательно, и необходимость жестко контролируемой и контролирующей социальной организации, обеспечивающей такой выбор. Данная форма, по сути своей "*монистическая*", воплотилась в практике обществ советского типа и государственно-капиталистических общественных отношениях. А возможность ее реализации предполагала отказ от общественно неконтролируемой сферы частных интересов, государственную монополизацию общественных ресурсов, централизацию контроля, унификацию форм общественной жизни и, как следствие, смещение акцента в общественной жизни с проблем производства (которое и так было обобществлено, а значит, контролируемо) на проблемы перераспределения. В сфере распределения частные интересы не могли быть сняты и, таким образом, создавали "проблемность" самой ситуации распределения, которая и становилась центральной для обществ монистического типа. Развиваемые обществом институциональные механизмы поддержки лишь одного начала миропорядка формировали ущемленный характер социального пространства, как бы "стянутого" лишь к одному из возможных источников движения и закрывающего разнообразные иные каналы и ресурсы реализации внутренней активности общества. В результате поиск, расширенное производство и воспроизводство всех тех ресурсов, которые могут приносить дополнительные жизненные блага и обеспечивать цивилизованный уровень жизни, ограничивались организационными возможностями системы, которые всегда ниже возможностей, которыми обладает среда, и вели к низкой эффективности производства общественной жизни. Недовлетворенность существующими возможностями, которые предлагала система государственного капитализма обществу, стимулировала развитие контртенденций как внесистемных либо асистемных движений, ищущих и предлагающих альтернативные выходы энергии общества и вносящих стихийные мо-

менты в его движение. Данные “выходы” получили воплощение в развитии обширной *неформальной* (как нелегализованной в системе официальных правил и дискурсов) сферы общественной жизни. В ней значимым элементом стал рынок, однако, не поддержанный институтами государства и ограниченный сетями социальных связей и отношениями ризипросити (в терминологии К. Поланьи), или взаимовыгодного внеденежного межличностного либо межорганизационного обмена. Такое противоречие между формальным и неформальным, легализованным и нелегализованным, жесткое внутрисистемное ограничение свободы частных интересов со стороны государственной монополии формировали сильное напряжение в общественной системе, ее внутреннее стремление к “прорыву” в область частных интересов, стихийных процессов, к иным источникам движения.

Другая реализованная форма капиталистической мир-экономики иначе разрешила проблему контролируемости общественных процессов – не через отрицание стихийности, а через допущение регулируемости как меры между действием “невидимой руки рынка” и государственного контроля. Причем проблема регулируемости, опять-таки, возникала, прежде всего, в сфере распределительных отношений, в то время как проблема экономической эффективности разрешалась с помощью рыночных механизмов производства, не игнорировавших формы государственного контроля. На их основе получила развитие *плюралистическая* форма капиталистической мир-экономики. А созданная в результате практика “государства благосостояния”, по замечанию одной из ведущих исследователей современных процессов Г. Эспин-Андерсен, превратилась в “активную силу, упорядочивающую социальные отношения” [4]. Допущение регулируемости с ориентацией на стихийное упорядочивание частных интересов создало прецедент рационализации общественного процесса через институциональное поддержание дуальности миропорядка и механизмов многообразия выборов форм социальных действий. Вместе с тем, развитие практики “государства благосостояния” фактически не сняло, а усилило внутреннее противоречие системы между экономической эффективностью и справедливостью социального перераспределения, между политико-экономическим и социо-культурным либерализмом. Последний был усилен расширением университетского образования в обществах позднего двадцатого века, культивирующего критический дискурс и ценности политико-экономического эгалитаризма.

Таким образом, развитие целостной капиталистической мир-экономики на протяжении большей части двадцатого века шло через противоборство двух альтернативных форм, в ходе которого плюралистическая система, обладавшая более широкими и гибкими механизмами выбора, синтезировала новые вариации своего развития. В то время, как монистическая система была лишена механизмов реального выбора в рамках заданной формы своего движения. Усиление напряжения в монистической системе с неизбежностью вело к необходимости ее институционального смещения к плюралистическим основаниям, обеспечивающим более широкие ресурсы выбора. Это и произошло в ходе революционно-реформистских преобразований 1989-1991 годов в большинстве стран советского типа. С точки зрения сегодняшнего дня уход от монистической общественной рамки представляется однозначным и он означает *глобализацию* плюралистической формы капиталистической мир-экономики. В этом смысле мы можем говорить о конце истории противоборства монистической и плюралистической форм капиталистической мир-экономики. Но означает ли это устранение фундаментальных противоречий в современной исторической системе? Как скажется новая фаза глобализации на развитии мир-системы [5]? Что возникает в результате данного процесса глобализации: новая мир-система либо глобальная подвижная сцена с действующими многообразными акторами? Какое место в этом процессе займут бывшие монистические системы, в том числе украинское общество? Вопросов пока что больше, чем ответов.

Логика капиталистической мир-экономики в целом была далеко не безупречной. Существенно расширив жизненные возможности широких слоев населения, их ресурсно-технологическое обеспечение, практика капиталистической мир-экономики произвела целый ряд следствий, которые отразились не только на качественном изменении самого общества и человека, но и поставили под угрозу жизненные возможности будущих поколений. Данные следствия, усилившиеся к концу двадцатого века, стали новыми “вызовами истории”. Они затронули сферу эффективности общественных отношений во всем индустриализированном социальном мире, обозначили пределы роста существующих форм глобального общества, отразили накопившееся противоречие между природными возможностями и социальными потребностями, культурами и существующими структурами, между частными и коллективными интересами, стремлением к свободе и ее ограничениями, стремлением к универсализации и актуализации локальных, в том числе индивидуальных различий, стремлением к экономической эффективности и социальной справедливости. Интерпретируя

и переинтерпретируя обостряющиеся проблемы современности, отыскивая и предлагая ответы на новую волну вызовов, пересматривая собственную идентичность, капиталистическая мир-система стала интенсивно трансформироваться.

Будучи рожденной в “ядре” плюралистической формы мир-экономики, волна новых “вызовов” и “ответов” постепенно накрыла все общества, как периферийные, так и бывшие монистические. Набирая силу в развитых плюралистических обществах, которые имели возможность понижать “гребень” волны благодаря реактуализации и лабилизации множественных сосуществующих общественных форм, данная волна со всей мощью обрушилась на альтернативные общества монистического типа, не обладавшие структурно-функциональной гибкостью. В этом процессе были “смяты”, но не уничтожены, существовавшие ранее и казавшиеся очень прочными структуры, благодаря чему в значительной мере была освобождена стихийная энергия общества. Эта энергия, аккумулированная во множественных интересах, потребностях, способностях действовать, свойственных отдельным индивидам и группам, стала структурировать новые формы своего воплощения, пытаясь разрешить проблемы прошлого и настоящего современной истории, пропущенные и понятые сквозь призму индивидуального и коллективного опыта.

В этом процессе возникает серьезная дилемма, с которой общества и иные социальные акторы вынуждены считаться: как сочетать индивидуальный и коллективный опыт, имеющий пространственно-временную локализацию, и глобальную протяженность культурно-структурных феноменов, обнаруживающих себя в современном процессе глобализации плюралистической мир-экономики? Глобализация проявляет себя как универсальный феномен с общими характерными тенденциями, который, вместе с тем, имеет множественные формы проявления, определяемые историко-культурной, политико-экономической и географической спецификой отдельных регионов. Такая парадоксальность отражается набирающим популярность понятием “глокализация” [6], сочетающем смыслы глобальности и локальности. Этот пространственный социальный процесс приобретает различную конфигурацию и значение в различных регионах и обществах, предоставляя, с одной стороны, им большую свободу и возможности действовать, с другой стороны, ограничивая их социальные возможности и шансы.

В процессе глобализации плюралистической мир-экономики проявились новые ведущие социальные агенты - транснациональные корпорации (ТНК) и их лидеры, доходы и иные ресурсы которых оказываются значительно выше, чем возможности многих современных стран, причем не только периферии, но и приближенных к “ядру” мировой системы. Согласно данным доклада ООН по мировым инвестициям, примерно 40000 фирм, имеющих более 250000 зарубежных филиалов, по сути, управляют мировой экономикой, а их деятельность, распространенная по всему миру, во многом осуществляется вне контроля со стороны какого-либо государства [7]. Таким образом, в “ядро” мир-системы активно включаются транснациональные корпоративные структуры, вытесняющие традиционные нации-государства и предлагающие свои версии разделения труда как осевого фактора структурирования мир-системы. Так называемое новое международное разделение труда [8] позволяет ТНК использовать различные уровни оплаты труда в интересах прибыли. Трудозатратные операции перемещаются в менее развитые страны, где возможен более низкий уровень оплаты труда. Если до 90-х годов в таких целях использовались страны “третьего мира”, то в последнее десятилетие, после Лейпцигской торговой ярмарки 1990 года, когда был сформулирован знаменитый лозунг внешнеэкономической деятельности - “восток открыт для бизнеса”, - в этот процесс все больше вовлекаются постсоветские страны. Однако, как отмечает А. Завьялова, наиболее характерной чертой деятельности ТНК на украинском рынке является то, что доминируют те кампании, чья деятельность направлена отнюдь не на интеграцию Украины в систему мирового хозяйства, а на обслуживание внутреннего рынка [9, с.37]. Данный фактор стимулирует национальную модель “периферийной” экономики и запаздывающего развития общества. В то же время, в экономически развитых странах высвобождается пространство занятости для иных форм деятельности; данные страны утверждаются как мировые центры финансирования, исследований и развития.

Таким образом, происходит существенное столкновение различий в основаниях и возможностях социальных действий, характерных для того или иного региона и общества, включенного в капиталистическую мир-систему. Логика данного процесса может быть понята в терминах выигрыша / проигрыша как результатов процесса. Выигрывает или проигрывает украинское общество, будучи вынужденно включенным в волну глобализации плюралистической капиталистической

мир-экономики? По сути, это вопрос о расширении или сокращении возможностей социальных действий, выборов, которые общество может предпринять для расширения собственных жизненных возможностей. В условиях, когда социальные процессы еще не приобрели устойчивых форм, вряд ли можно дать убедительные ответы на поставленный вопрос. Однако логика развития украинского общества в последнее десятилетие позволяет утверждать, что существует реальная опасность для Украины быть "исключенной" из динамики взаимодействий современной мир-системы. В глобализованном мире такая вероятность грозит примитивизацией данного общества, разрушением его цивилизационных оснований. Таким образом, политика "выигрыша" для Украины должна быть направлена на развитие и утверждение статуса "периферии", стремящейся к "ядру" системы, способной предложить свое специфическое -- и, прежде всего, интеллектуальный потенциал -- в глобальном разделении труда.

Кроме того, для нас очевидным является то, что системность не поглощает всю возможную реальность. Она сталкивается с внесистемными действиями социальных акторов, генерализует их, либо сама изменяется. История двадцатого века -- это история роста внесистемных движений: от классово-освободительных, профсоюзных, фашистских и национально-освободительных до, так называемых, новых социальных движений, прежде всего, экологических, экуменических, феминистских, движений кнсьюмеризма и против глобального влияния капитализма. Под влиянием таких столкновений капиталистическая мир-экономика с неизбежностью должна претерпевать существенные изменения. Такие изменения будут отражать культурно-структурное качество действующих социальных акторов, не "вписанных" в мир-систему, но различающихся между собой потенциалом действия и в силу этого по-разному "диктующих" миру свою логику. Внесистемный потенциал действия -- еще один фактор исторического процесса, который может быть использован в усилении динамики конкретного общества. В какой мере украинское общество обладает таким потенциалом? К сожалению, ответ на этот вопрос не может вызывать радужных иллюзий.

Так что же означают современные глобальные изменения мира и постсоветская трансформация? "Конец" ли это истории? Парадоксальность современного процесса развития приводят к двойственному выводу. Во-первых, к выводу о том, что современная ситуация может быть интерпретирована в терминах "конца истории", отражающих рационализацию современной мир-системы через признание множественности миропорядка, расширение плюралистической мир-экономики, "связывание" физически и культурно отдаленных социальных пространств в глобальную целостность. В этой интерпретации определяющее значение имеет развивающаяся на основе ценностей жизни и качества жизни, а также дополненности ряда ключевых идей либерализма и социализма идеология "третьего пути". Данный вывод получает широкие эмпирические подтверждения. Во-вторых, не менее значимым является теоретический вывод о непредсказуемости исторического процесса, в котором действуют не только объективные закономерности и тенденции, но множественные социальные акторы, субъективные выборы которых далеко не всегда генерализуются системными закономерностями и способны изменять направленность развития мировой системы. В такой интерпретации вопрос о "конце истории" снимается множественной социальной практикой действующих акторов. И, таким образом, проблема направленности исторического процесса -- это проблема определения силы и направленности потенциалов социального действия в пространстве социальных отношений.

Примечания

1. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. -- 1990. - № 3.
2. Тойнби А. Постигание истории. -- М.: Прогресс, 1991; Wallerstein I. The Rise and the Future Demise of the World Capitalist System // Comparative Studies in Society and History. -- No. 16, 1974. -- P. 387-415; Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? // International Sociology. ISA. -- Vol.15, No.2. -- 2000. -- P. 249-265; Валлерстайн И. Общественное развитие или развитие мировой системы? // Вопросы социологии. -- Т. 1. - 1992. -- С.77-88.
3. Wallerstein I. The Rise and the Future Demise of the World Capitalist System // Comparative Studies in Society and History. --No. 16, 1974. -- P. 387-415; Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? // International Sociology. ISA. -- Vol.15, Num.2. -- 2000. -- P. 249-265
4. Esping-Andersen G. the Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. - P.23.
5. Мы рассматриваем процесс *глобализации* как долговременный множественный процесс расширения и изменения мировой системы, ее "связывания" и структурирования как глобального целого.

Как полагает И.Валлерстайн, данный процесс начался примерно 500 лет назад с расширения специфической мир-экономики на Европейском пространстве. Ж. Тёрнборн аргументирует по этому поводу более радикальную точку зрения, выделяя 6 фаз процесса глобализации как "полета современности в пространстве", который начался с возникновения и развития мировых религий. См.: Therborn G. Globalizations: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance // International Sociology. ISA. – Vol. 15, No.2, 2000. – P. 151-179.

6. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity and Heterogeneity // Global Modernities / Ed. by M. Featherstone et al. – London: Sage Publications, 1995. – P. 25-44; Robertson R., Khondker H.H.. Discourses of Globalization // International Sociology.- Vol.3, No. 1, March, 1998. – P.28.

7. UNCTAD. World Investment Report – Preliminary. - New York: United Nations, 1995: xx.

8. Sklair L. Sociology of the Global System. 2th ed. - Baltimore, Maryland: The Hopkins University Press, 1995. - P.106-109; Abercrombie N., Warde A. with etc. Contemporary British Society. - Cambridge: Polity Press, 1993. - P. 18-23.

9. Зав'ялова О. Роль транснаціональних корпорацій в інтеграції України у світове господарство // Інтеграція України у світове співтовариство: Матеріали науково-практичної конф. – К.: USIA, IREX, 1999. – С.35-45.

ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ – КОНКУРЕНЦИЯ СТРАН И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ

А.П. Голиков, В.В. Буевский, П.А. Черномаз

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Со времен классических теорий движения капитала, благосостояния наций и развития компаний политическая и экономическая карты мира были не единожды перекроены и изменены. Изменились условия жизни и деятельности человека, а экономические законы как были, так и остаются определяющими в развитии и жизнедеятельности общества. Наряду с этим в последнее время в жизнь и хозяйственную деятельность человека прочно вошли понятия конкуренция и глобализация. Конкурировать стали все и со всеми: индивид с индивидом, фирма с фирмой, индивид с фирмой, государство с государством, иногда даже индивид с государством. Вся хозяйственная и государственная деятельность сводится к конкуренции, которая в условиях глобальных трансформаций стала синонимом развития, прогресса, свободы и справедливости.

С ростом масштабов производства и глобализации мировой экономики частные компании становятся настолько большими, что по своему обороту начинают превышать ВВП отдельных стран. Страны же, в свою очередь, в своей непрерывной борьбе друг с другом, все больше начинают походить на корпорации. Возникает вопрос: не скрываются в условиях глобализации под общим названием "конкуренция" фундаментально несопоставимые категории? Какова природа конкуренции компании на рынке, ее цели, средства, способы и методы достижения этих целей? Какова природа конкуренции государства с другим государством? И, наконец, можно ли говорить о конкуренции компании и государства?

Согласно классическому определению, конкуренция на мировом рынке – это экономический процесс взаимодействия, взаимосвязи и борьбы продуцентов и поставщиков при реализации продукции, соперничество между отдельными производителями или поставщиками товара и услуг за наиболее выгодные условия производства и сбыта. На первый взгляд все понятно и знакомо, но еще два-три десятилетия назад любой менеджер крупной компании, на вопрос "какова ваша политика по отношению к конкурентам?", не задумываясь ответил бы, что главной его задачей является полная и безоговорочная победа над конкурентами, захват рынка сбыта и рынка ресурсов и установление монополии на свой товар или услугу. А как дело обстоит сейчас? Создается впечатление, что вчерашние "хищники", искатели наживы, сегодня превратились в благотворительные фонды! Если бвы президенту компании Gillette двадцать лет назад сказали, что его компания будет за счет собственных продаж, намеренно финансировать компанию Shick, своего прямого конкурента, он бы рассмеялся в лицо. То же самое сделал бы и Ли Якокка, положивший свое здоровье в борьбе с японскими компаниями, если бы ему сказали, что его Ford Motors будет объединяться с

компанией Mazda Inc. Таковы реалии современных глобальных трансформаций. Теперь корпорации не конкурируют, а интегрируются. Конкурент уже не враг, а стимул, без которого не было бы прогресса, это честный соперник. Но и это не благотворительность, а качественно новые формы конкуренции, когда конкуренты стремятся не просто выпустить лучший товар, а концептуально придумать что-либо новое, это принуждает их объединяться с бывшими злейшими врагами и решать совместные проблемы.

Конкуренция компаний и стран – один из вопросов, которые тревожат ученых и политические умы планеты. Транснациональные корпорации стали достигать таких размеров, что их стали называть сначала многонациональными корпорациями, а вскоре и мировыми, или глобальными корпорациями.

Если сравнить ВВП стран мира с объемами производства компаний, можно увидеть, что с середины 90-х годов ТНК по рейтингу ВВП делят ведущие места с многими крупными странами мира. (см. таблицу 1). Только за последний год рейтинг 500 самых крупных компаний Америки, составляемый журналом Forbes, пополнился 190 новыми компаниями [1]. При этом число компаний не изменилось, а 190 новых быстрорастущих компаний вытеснили из рейтинга старые, которые по нашим меркам, могли бы еще жить и жить. То есть коэффициент обновления среди крупных компаний составил 0,38, что показывает значительную интенсивность развития компаний на мировом рынке.

Таблица 1

Сравнительный рейтинг крупнейших ТНК и стран мира (1997) [2]

Рейтинг	ВВП (Объем продаж)	Страна (компания)	Рейтинг	ВВП (Объем продаж)	Страна (компания)
1	7 823 300.23	США	26	171 062.98	Дания
2	4 197 799.69	Япония	27	161 315.00	General Motors
3	2 100 521.21	Германия	28	154 615.00	Daimler Chrysler
4	1 392 138.26	Франция	29	153 908.94	Таиланд
5	1 283 339.58	Великобритания	30	153 361.61	Норвегия
6	1 145 372.15	Италия	31	144 416.00	Ford Motor
7	901 980.68	Китай	32	140 373.84	Саудовская Аравия
8	820 380.76	Бразилия	33	139 208.00	Wal-Mart Stores
9	607 701.89	Канада	34	135 658.99	Польша
10	530 806.93	Испания	35	129 093.57	ЮАР
11	446 981.73	Россия	36	119 834.73	Финляндия
12	442 542.98	Южная Корея	37	119 529.39	Греция
13	402 963.50	Мексика	38	109 372.9	Mitsui
14	399 463.12	Австралия	39	108 749.1	Itochu
15	381 566.19	Индия	40	107 184.40	Mitsubishi
16	363 342.40	Нидерланды	41	101 288.24	Португалия
17	325 012.26	Аргентина	42	100 697.00	Exxon
18	283 287.45	Тайвань	43	100 469.00	General Electric
19	255 264.56	Швейцария	44	99 740.10	Toyota Motor
20	242 522.51	Бельгия	45	98 081.11	Израиль
21	227 751.38	Швеция	46	97 880.42	Малайзия
22	214 994.85	Индонезия	47	96 318.69	Сингапур
23	206 235.66	Австрия	48	95 747.35	Колумбия
24	189 878.40	Турция	49	93 692.00	Royal Dutch/ Shell Group
25	173 609.88	Гонгконг	50	93 568.60	Marubeni

Некоторые политики всерьез озабочены тем, что если рост ТНК будет продолжается теми же темпами, то они вскоре станут сильнее государств. Скептики ссылаются на то, что ТНК не инородные тела на планете, что они все имеют "страну приписки", куда стекается вся прибыль. И увеличение оборотов ТНК влечет за собой и рост ВВП стран-"хозяев" этих компаний. Иными словами, от роста прибыли General Motors так же становится богаче и США. Следовательно, часть никогда не сможет стать больше целого.

Для примера возьмем упрощенную модель, где международная торговля и деятельность ТНК развиты настолько, что по сравнению с ними государственный сектор и местные компании не составляют значимой величины в ВВП страны (ВВП практически определяется производством ТНК и ее филиалами).

Объем продаж ТНК равен:

$$S = \sum_{i=1}^n V_i,$$

где: S - объем продаж компании в целом;

n - общее количество стран, в которых представлена ТНК;

V_i - доля продаж ТНК в стране относительно общих продаж;

ВВП страны равно:

$$G = \sum_{j=1}^m D_j,$$

где G - ВВП страны;

m - общее количество ТНК, представленных в стране;

D_j - доля ТНК j , в стране.

Тогда условие, при котором часть никогда не превысит целого, выполняется, если $D > V$, т.е. доля бизнеса ТНК в данной стране больше, чем доля ВВП генерируемого этой ТНК в данной стране. Иначе говоря, зависимость ТНК от страны больше, чем страны от ТНК. Такой случай возможен, если страна производства не является страной потребления, и нет неосвоенных рынков сбыта. Сущность проблемы сводится к тому, что рост ТНК только увеличивает разрыв между индустриальными и развивающимися странами, порождая справедливое возмущение последних. Однако, такое положение было справедливо лишь для середины двадцатого века, когда основной бизнес и основное производство компании сосредотачивалось в одной стране, а за границей находились либо вспомогательные рынки сбыта, либо сырьевые придатки.

Сегодня же, ТНК начинают активно расширять свое производство за рубежом как в Юго-Восточной Азии и Китае, так и на территориях более развитых стран. Таким образом, товары произведенные, например, в Китае, там же и потребляются, увеличивая оборот фирмы, при этом доля продаж в предыдущей стране падает, а доля генерируемого ВВП в этой стране растет.

В данной ситуации ТНК начинает рассредоточиваться и расширять свое производство таким образом, что общие продажи растут, а доли каждой страны в общем объеме продаж падают.

Можно возразить, что со странами происходит то же самое, ведь в страну тогда будут прибывать другие ТНК. Но, в действительности, темпы роста частной компании всегда больше, чем темпы роста государства, а это значит, что компании растут и укрупняются значительно быстрее, чем страны.

Из всего вышеперечисленного следует, что в ближайшие десятилетия ТНК могут значительно потеснить авторитет отдельных стран на мировой экономической, а, возможно, и политической арене.

Литература

1. Forbes 500, 1999. Forbes, <http://www.forbes.com>
2. Fortune global 500, 1999. Fortune, <http://www.fortune.com>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ФАКТОР

О.Л. Яременко

(Харьковский гуманитарный институт "Народная украинская академия")

Признаком кризиса институциональной системы является утрата атрибутов целостности и самодостаточности. Возникает стремление узнать как можно больше о чужой жизни, в которой, как кажется, все лучше, интересней, эффективней. Появляется своего рода информационная всеядность, неразборчивость: "вот как надо на самом деле жить!" Еще в романе Ф.М. Достоевского "Бесы" описана ситуация наивного восторга перед американской жизнью, который испытывают бежавшие туда "от ужасов самодержавия" россияне - вплоть до самых абсурдных и нелепых ее моментов. Примерно так вело себя в первые годы перестройки и наше общество, изголодавшееся на суровой идеологической диете государственного социализма.

Появляется стремление как можно быстрее начать жить "правильной" свободной жизнью - ведь за рубежом эта жизнь приносит людям замечательные плоды. Подражательный этап внешнего информационного воздействия начинается с самых поверхностных, внешних форм. Не будучи скованы внутренним содержанием, эти формы имеют тенденцию к безграничному хаотическому своеволию - идет ли речь об отказе от угрюмого советского пуританства в искусстве, допущении коммерческой деятельности на государственных предприятиях или переходе на так называемые свободные (договорные) цены в монополизированной до предела экономике.

Неизбежная консервативная реакция социума на такого рода инициированные извне новации частично обусловлена уязвимостью и неукорененностью подражательных форм, которые не способны упорядочить "броуновские" метания участников переходной системы. Такое негативное выражение системной природы институтов постепенно приводит к соизмерению и сопряжению внешней институциональной информации с внутренними возможностями национальной экономики. В результате внешняя информация *понимается*, т.е. получает свое место и интерпретацию в системе и понятиях собственных институтов.

В процессе естественного отбора институтов единственным способом выживания внешних подражательных форм становится их проникновение вглубь. Они как бы прячутся, превращаясь из чего-то демонстративного, выставленного напоказ в скрытые (не обязательно теневые), но все более стабильные формы экономического поведения. Тем самым происходит *усвоение* заимствованной институциональной информации, превращение ее в элемент собственного содержания трансформируемой системы.

Иногда внешнее информационное воздействие может приобретать форму институциональной имплантации, т.е. прямой пересадки чужих институциональных форм там, где отсутствуют собственные. Как и любая имплантация, такое информационное воздействие носит характер опасного эксперимента и требует непрерывного мониторинга. Например, Иран 70-х годов дал интенсивную реакцию отторжения, приведшую к институциональной деградации, т.е. к очень простой форме исламского общества, которое будет обогащаться до уровня "шахской" эпохи еще многие десятилетия.

В судьбах трансформируемых обществ важную роль играет фактор институциональной совместимости (или несовместимости) взаимодействующих систем. Вариантное поле типов такого взаимодействия может простираться от полной совместимости (сопрягаемости) разнородных институциональных систем, что приводит к умножению движущих сил эволюции, до их полной несовместимости, которая приводит в случае взаимодействия к их взаимоуничтожению (аннигиляции).

Например, современная Экваториальная Африка, давно освободившаяся от "оков колониализма", демонстрирует, в основном, второй предельный вариант - институциональное взаимоуничтожение. В период колониального господства метрополия обеспечивала более или менее удовлетворительную взаимную институциональную изоляцию традиционного и индустриального укладов. Обычно в этом усматривали проявление недобросовестных намерений империалистов, стремящихся как можно дольше удерживать народы Африки в поработанном состоянии.

Зачатки индустриального уклада и остатки традиционного за последние десятилетия, пройдя через фазу вялого взаимного угнетения в первые годы политической независимости, начали затем интенсивно взаимодействовать, проникая в пустоты и ниши недостаточно развитой институциональной системы. Попытки на одном и том же социальном материале совместить обычаи, традиции и правила системы,

основанной на непосредственной личной связи и зависимости с прямо противоположной безличной деперсонифицированной рыночной системой привели к грандиозной институциональной катастрофе, которая поставила основную массу населения континента на грань выживания. Возникла институциональная пустота, практически делающая невозможным использование более чем достаточных экономических, природных и людских ресурсов. Весьма вероятно, что причины сегодняшнего упадка хозяйственной системы Украины в чем-то аналогичны, хотя и не столь глубоки по своему влиянию на институциональную систему.

Феномен институциональной несовместимости возникает при определенных условиях. Во-первых, институциональная "аннигиляция" системы - это всегда результат столкновения укорененного(эндогенного) и привнесенного(экзогенного) укладов. Во-вторых, предпосылкой взаимоуничтожения социальных институтов является их принадлежность к фундаментально различающимся типам общественной связи - например, типу, основанному на прямой личной зависимости, и типу, основанному на личной независимости, дополняемой всесторонней вещной зависимостью людей. В-третьих, тенденция к взаимоуничтожению возникает в случае предшествующей абсолютной взаимоизоляции двух институциональных укладов, когда у базового уклада отсутствует "опыт" взаимодействия с другими укладами, т.е. он не получил прививки от чужеродных влияний, является чистым.

На колониальных территориях Африки "белая" администрация поддерживала индустриальный уклад в состоянии изоляции от пережитков родового строя. Это вытекало из необходимости поддержания минимальной технологической культуры индустриального производства, чуждой традиционному укладу местного населения. Освобождение от колониального гнета сопровождалось резкой экспансией традиционных институтов в сферу индустриального уклада. Многие требования технологической дисциплины, индустриальной организации труда воспринимались как проявление самодурства колонизаторов, с уходом которых можно и забыть о чересчур жестких и громоздких нормах деятельности и поведения. Следствием этого стало общее падение технологической культуры и размывание индустриального сектора национальной экономики.

Однако победа традиционного уклада оказалась пирровой. В процессе своей институциональной экспансии против пришельца он сам оказался подвержен эрозии. Привычка к легкой индустриальной роскоши (более чем умеренной с точки зрения европейца, но очень впечатляющей местное население), утрата личной ответственности перед общиной, резкое падение авторитета местной племенной власти означали утрату естественных ограничений и критериев социально значимого поведения. Внешние преимущества безличной формы связи (анонимность, ответственность лишь в конечном счете, свобода выбора деятельности), не будучи подкрепленными грамотностью, уважением к закону и собственности, обусловили быструю деградацию родоплеменных традиций, разложение всей социокультурной среды. В этих условиях ни зарубежные инвестиции, ни помощь более богатых государств не способны решить проблемы нищеты и отсталости большинства стран Африки. Весьма характерно, что институциональная катастрофа, как правило, разворачивается параллельно с экологической катастрофой. В аналогичную институциональную ситуацию сегодня попали некоторые народы российского Севера.

Сегодняшняя экономическая действительность Украины демонстрирует нам некоторые частные явления и тенденции, говорящие об опасном сходстве с "африканской катастрофой". Наблюдается быстрая взаимная деградация традиционных государственно-социалистических институциональных форм и зарождающегося частно-предпринимательского уклада. Негосударственные формы хозяйственной деятельности становятся все менее эффективными. Государственный организм подвержен коррупции, которая в равной степени охватывает и негосударственные институты. Нейтрализовать такие опасные "африканские" тенденции взаимной аннигиляции старого и нового можно только путем активного институционального строительства.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МИР-СИСТЕМНОМ АНАЛИЗЕ

П.Н. Корогодов

(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

Глубокие структурные изменения, которые переживаются многими странами в последние десятилетия, стали побудительным мотивом коренного пересмотра и переосмысления социологами методологических основ своей науки. Одним из результатов такого переосмысления и является повышенное

внимание к мир-системному анализу, разработанному Иммануилом Валлерстайном. Своё видение характера и направленности мир-системного анализа, его роли и перспектив применения он кратко и определённо обозначал как "протест" против методов исследования, заложенных учеными середины девятнадцатого века, как "вызов" господствующему с тех пор и доныне методу исследования [1].

Вызов господствующему методу исследования социальных явлений существенно затрагивает значительное количество проблем, изучаемых социологией. Одной из таких проблем, которая приобрела чрезвычайную актуальность в связи с трансформацией советского строя с начала "перестройки" и до настоящего времени, является проблема поиска принципов построения новых социальных технологий. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно кратко проследить некоторые следствия для понимания социальных технологий, которые неизбежно связаны с их анализом с позиций мир-системного анализа. Эти следствия можно кратко сформулировать следующим образом.

Во-первых, мир-системный анализ, как мы покажем далее, в значительной мере укрепляет научный статус категории "социальная технология" в структуре категорий и понятий социологии как науки. Во-вторых, мир-системный анализ позволяет по-новому взглянуть на целый ряд вопросов, которые поднимал в своих произведениях К. Поппер, многосторонне исследовавший социальные технологии от Платона до Маркса с позиций либерализма. Наконец, для многих стран постсоветского периода, включая и Украину, важно взглянуть на социальные технологии современности без идеологических предубеждений.

Несмотря на то, что эти технологии строятся в очень сложном "идеологическом пространстве" (выражение И. Валлерстайна - см. [2]) мир-системный анализ открывает в наше время путь к их интерпретации не в идеологических терминах, смыслах и оттенках.

Перейдём к рассмотрению сформулированных выше тезисов. Научный статус категории "социальная технология" в системе категорий социологии до сих пор вызывает споры. Истоки этих споров коренятся не только в том, что люди всегда мечтали и продолжают мечтать о путях, ведущих к "идеальному обществу", но и в притязаниях разума создать модель подлинной научности науки и на этом фундаменте реализовать "План научных работ, необходимых для переустройства общества" (О. Конт). Обожествление науки Нового времени и абсолютизация идеи Прогресса - вот та почва, на которой вырастали утопические социальные технологии. Крах утопических построений в значительной мере подорвал интерес социологов к разработке масштабных социальных технологий, хотя в отдельных областях социальных наук интерес к ним никогда не ослабевал. С появлением системного подхода (Л. фон Берталанфи, У. Эшби, Р. АкофФ и др.), а затем и мир-системного анализа Валлерстайна можно со всей определёностью утверждать, что категория "социальная технология" приобретает более чёткие границы в познавательном поле социологов. Это обстоятельство обусловлено прежде всего тем, что социальная технология имеет системную природу, ведь зарождение, становление, функционирование и рост социологического знания предполагает системность в самом широком смысле. Достаточно проанализировать ту или иную парадигму или процесс смены научных парадигм как без труда можно выявить такие системные качества, как целостность, элементность, структурированность системы знаний и пр. Кроме того, любая наука, особенно её прикладной уровень, тяготеет к разработке таких практических рекомендаций, технологический характер которых не вызывает сомнения: как в технологическом эксперименте, так и в решении назревших социальных проблем требуется, грубо говоря, "технологическая карта", в которой разработаны конкретные действия для достижения поставленной цели. Мир-системный анализ существенно расширяет границы применения социальных технологий утверждая, что вся "социальная наука - это формулировка универсального набора правил, которые объясняют поведение человека (общества)" [1]. Безусловно, данное утверждение нельзя вульгаризировать, ибо "универсальный набор правил" нельзя истолковывать как объективные законы, ломающие границы субъективности, низводящие личность до игрушки судьбы, рока и фатума. Однако глобализация общества, постепенное вызревание и осознание "органической" целостности мирового сообщества, столкновение цивилизаций и нахождение общих правил взаимодействия "исторических систем" - всё это в той или иной степени является свидетельством поиска человечеством таких социальных технологий, которые могут и должны нас привести к новой геоисторической системе, к построению её "человечески удовлетворительными способами"[2]. Это высказывание Валлерстайна служит главным ориентиром, более того, основным принципом построения современных социальных технологий. Именно с позиций мир-системного анализа можно увидеть начало и завершение сверхдлинного периода "возвращения человеку человеческого": общество, пройдя через ужасы войн, революций, реформ и социальных кризисов пришло к старому выводу гуманистов - без накопления чело-

вещеского капитала, без развития личности социальные технологии либо вырождаются в утопии, либо ведут к тоталитарным режимам.

Мир-системный анализ И.Валлерстайна плодотворен и в ещё одном эпистемологическом аспекте, а именно - он позволяет исследовать проблему взаимосвязи, координации и субординации категории "социальная технология" с системой понятий, применяемых этим учёным - "социальное конструирование", "модель действия", "структура трансформации" др. К сожалению, размеры данного сообщения не позволяют хотя бы бегло рассмотреть эту важную и актуальную эпистемологическую проблему.

Перейдем к рассмотрению второго нашего тезиса, который касается вопроса сопоставления концепции социальных технологий К.Поппера и мир-системного подхода к социальным технологиям И.Валлерстайна.

К.Поппер в основу своих размышлений о принципах построения и философских предпосылках, служивших ему инструментом для классификации типов социальных технологий, положил либерализм, осознавая пагубность идеологических пристрастий в выборе технологии преобразования общества [3]. Далее, К.Поппер весьма осведомлён о том, что Маркс с насмешкой и даже неприязнью относился к попыткам построения социальных технологий, но упрекает его в этой "болезни". В отличие от Поппера, в мир-системном анализе И.Валлерстайна мы, напротив, находим весьма ироничное отношение к либерализму, послужившего, по мнению этого ученого, интеллектуальным истоком превращения социологии в "ящик для отходов" реалий капиталистического строя [1]. Более того, формулируя своё видение "исторических систем", анализируя социальные технологии капиталистического типа, И.Валлерстайн весьма близко подходит к марксистским представлениям о капитализме и изменениям общества "в сторону нового порядка" [2]. Но сопоставляя концепции К.Поппера, И.Валлерстайна и К.Маркса, можно увидеть одно весьма важное гносеологическое сходство в интерпретации социальных технологий: все они осознают, что ни одна социальная технология, ни один социальный технолог не может ставить перед собой жестко очерченную цель и стремиться к удержанию достигнутого целевого состояния продолжительное время. Любая цель должна подвергаться пересмотру в соответствии с динамикой общества и результатами, достигнутыми реализуемой социальной технологией. И здесь возникает одно удивительное свойство мир-системного подхода, которое можно было бы сформулировать так: этот подход нивелирует идеологические расхождения при построении социальных технологий.

Действительно, "социальное" выступает в мир-системном анализе в качестве системообразующего фактора: "Три предполагаемых арены коллективного действия человека - экономическая, политическая или социо-культурная - не являются автономными аренами социального действия." [1]. Следовательно, политическая, экономическая и идеологическая среда не должны выступать контрагентами социального, точнее сказать, быть "внешними", "чуждыми" для "социально-справедливого", которое связывает все сферы в единое системное целое, без которого "части" мертвы. Как раз социальные технологии объединяют "средовое" многообразие в единое органическое целое, именуемое Валлерстайном "исторической системой". Социальное превращается в своеобразный "центр" окружающего политического, экономического и идеологического многообразия. Для формирующегося гражданского общества Украины, увязшего, к сожалению, в бесконечных идеологических баталиях, чрезвычайно важно найти выход в разработке таких социальных технологий, которые наглядно демонстрировали бы любому гражданину, что окружающий его мир политического, экономического и социо-культурного многообразия способствует развитию его нравственности, помогает выбраться из нищеты на основе личного труда, возвыситься в духовной жизни, даёт реальную правовую опору для защиты личностно и общественно значимых целей.

Литература

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке / Под ред. Н.С. Розова. - Новосибирск, 2000. - С. 105-123.
2. Валлерстайн И. Реалии открытого пространства-времени: к пониманию нашей исторической системы <http://src.nsu.ru/filf/rpha/papers/period/walspace-w.htm>
3. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т.1.- М.: Феникс. 1992. С.150.

**ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ІМ. В.Н. КАРАЗІНА**

№487'2000

Українською, російською та англійською мовами

Відповідальний випусковий О.О. Мамалуй

**Комп'ютерне макетування
О.А. Фісун**

Статті подано в авторській редакції

Підп. до друку 24.12.2000 р. Формат 60x84 1/8. Папір сорієт.

Умовн. друк. арк. 21, 6. Облік.-вид. арк. 17, 2.

Тираж 300 прим.

Зам. №

Ціна договірна

61077, Харків-77, пл. Свободи, 4

Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна

Видавничий центр